

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт «Юридический»
Кафедра «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Руководитель магистерской
программы, д.ю.н., профессор
заведующий кафедрой
_____ С.М. Даровских
_____ 2017 г.

**МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ
РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

ЮУрГУ – 40.04.01.2017.245.Юм
Направление: «Юриспруденция»
Магистерская программа: 40.04.01 «Уголовный процесс, криминалистика и
судебная экспертиза»

Руководитель магистерской
диссертации, к.ю.н., доцент кафедры
Кочетова Алла Валерьевна
_____ 2017 г.

Автор магистерской диссертации
магистрант группы Юм-245
Палаткина Светлана Федоровна
_____ 2017 г.

Нормоконтролер,
Виталина Викторовна Гончаренко
_____ 2017 г.

Челябинск, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I СУЩНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	
1.1 Европейские стандарты в области прав человека, их место и роль в уголовном судопроизводстве России	7
1.2 Концепция правового статуса личности в российском уголовном процессе.....	19
ГЛАВА II СОДЕРЖАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	
2.1 Постановления Европейского Суда по правам человека как средство толкования и обеспечения реализации европейских стандартов.....	29
2.2 Европейские стандарты о праве на справедливое судебное разбирательство в российском уголовном судопроизводстве.....	42
2.3 Европейские стандарты о праве на свободу и личную неприкосновенность в российском уголовном процессе.....	61
ГЛАВА III ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	88
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	91

ВВЕДЕНИЕ

Активное участие Российской Федерации в международном сотрудничестве, а также постоянный рост числа жалоб, подаваемых в Европейский Суд по правам человека против России, способствуют повышению актуальности вопросов внедрения и фактического применения европейских стандартов в области прав человека и изучения их роли в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе.

Европейский Суд по правам человека опубликовал ежегодный отчёт¹, из которого следует, что в 2016 году им было рассмотрено 228 жалоб, поданных против Российской Федерации, еще 7,8 тысячи заявлений ожидают своей очереди. Европейский Суд по правам человека отметил, что среди статей Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на нарушение которых жаловались заявители, превалировали право на справедливое судебное разбирательство (22,9%), право на свободу и личную неприкосновенность (20,4%) и запрещение пыток (19,7%), реже всего нарушалось право на жизнь (5,63%).

В содержании Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» указывается на ориентацию на международные стандарты правосудия. В результате использования европейских стандартов в области прав личности в российском уголовном процессе предполагается значительное повышение эффективности рассмотрения судебных споров, обеспечение доступности и открытости правосудия, формирование стабильной и единообразной судебной практики, повышение авторитета судебной власти, создание условий для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе.

¹[http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2016_ENG.pdf] // дата обращения 29.04.2017г.

Потому комплексное изучение вопросов о сущности и признаках европейских стандартов в области прав человека, проблем их содержания и реализации в отечественном уголовном судопроизводстве является актуальным, имеющим важное теоретическое и практическое значение.

В уголовно-процессуальной науке существуют противоположные взгляды относительно понимания сущности и роли европейских стандартов в области прав человека. Очевидный интерес вызывают позиции, высказанные по этим вопросам такими видными исследователями в области уголовного процесса, как Л. Б. Алексеева, О.Н. Малиновский, В. Я. Неказов, А.В. Чумаков, С.М. Ягофаров, Л.М. Володина, З.Д. Еникеев, А.И. Александров, Ф.Н. Багаутдинов, А.Д. Бойков, А.Ю. Епихин, О.А. Зайцев, В.М. Лебедев, В.З. Лукашевич, И.Л. Петрухин, В.И. и другие.

Объектом магистерского исследования являются правоотношения, складывающиеся в процессе реализации европейских стандартов в области прав человека в российском законодательстве и при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Предмет исследования составляют нормы Конституции РФ, положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколов к ней, постановления Европейского Суда по правам человека, нормы российского законодательства, регулирующие порядок применения европейских стандартов в области прав человека в уголовном судопроизводстве, аналогичные нормы уголовно-процессуального законодательства государств — членов Совета Европы, а также материалы правоприменительной практики и результаты статистического исследования.

Цель магистерского исследования заключается в формировании концептуально значимого представления о сущности европейских стандартов в области прав человека в сфере уголовного судопроизводства и их роли в обеспечении прав участников процесса, которые могут послужить основой оптимизации норм уголовно-процессуального законодательства, а также

совершенствования правоприменительной деятельности в соответствующей части.

Автор магистерской диссертации ставит перед собой следующие задачи:

1) определить сущность европейских стандартов в области прав человека, рассмотреть их содержание и классификацию, а также обозначить их значение в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе;

2) обосновать концепцию прав личности в российском уголовном процессе;

3) определить место и роль постановлений Европейского Суда по правам человека в системе российского уголовного процесса, а также их влияние на формирование европейских стандартов;

4) выявить проблемные аспекты соотношения норм российского права и европейских стандартов в области прав человека;

5) проанализировать совокупность европейских стандартов в части обеспечения права на справедливое судебное разбирательство и права на свободу и личную неприкосновенность в российском уголовном процессе;

6) изучить пример реализации европейских стандартов в области прав человека - доступность правосудия в российском уголовном процессе и определить проблемы его реализации;

7) разработать рекомендации и предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения защиты прав человека в соответствии с постановлениями Европейского Суда по правам человека.

В магистерской диссертации планируется использование следующих методов исследования: учение о взаимосвязи и взаимообусловленности социальных явлений, общенаучные методы системного анализа изучаемых явлений и синтеза полученных результатов, индуктивного и дедуктивного умозаключений, а также сравнительно-правовой, статистический и другие частно-научные методы исследования.

Эмпирическая база исследования построена на нормативном материале и судебной практике. Нормативную основу составили: общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, Конституция РФ, федеральное законодательство. В работе использованы постановления Европейского Суда по правам человека, постановления Конституционного Суда РФ, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Социальная значимость магистерской диссертации заключается в том, что европейские стандарты в области прав человека не только находятся во взаимосвязи и полной гармонии с общепризнанными принципами и нормами права, но и расширяют границы их действия, поскольку создают определенные критерии защищенности прав и свобод личности от посягательства со стороны государства.

Учитывая, что международные стандарты в области прав человека являются неотъемлемой частью современной правовой системы, комплексное изучение вопросов о сущности и признаках европейских стандартов прав человека, проблем их имплементации в российское уголовно-процессуальное законодательство, форм и механизма их реализации в отечественном уголовном судопроизводстве является актуальным, имеющим важное теоретическое и практическое значение.

ГЛАВА I СУЩНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

1.1 Европейские стандарты в области прав человека, их место и роль в уголовном судопроизводстве России

И. Я. Фойницкий очень метко отметил, что «построение уголовного процесса оказывает глубокое влияние на положение личности в государстве»¹.

На наш взгляд, закономерно закрепление усиленных гарантий прав и свобод лиц, вовлечённых в орбиту уголовного судопроизводства, а также повышенное внимание к существующим международно-правовым документам в области защиты прав и свобод человека и гражданина. Данные документы содержат основополагающие положения, которые охватывают важные вопросы уголовного процесса и являются одним из элементов международно-правового механизма защиты прав участников уголовного правосудия.

Ю.В. Малышева определяет международную защиту прав человека как «совокупность правовых норм, устанавливающих и закрепляющих в договорном порядке права и свободы человека, обязательства государств по практической реализации этих прав и свобод, а также международные механизмы контроля за выполнением государствами своих международных обязательств и непосредственной защиты нарушенных прав отдельной личности»².

¹Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1912. – Т. 1. – С.11.

²Малышева, Ю.В. Международно-правовой механизм защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: понятие, структура // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 2 (93). – С. 49.

В части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации¹ (далее - Конституция РФ) определено, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Кроме того, в Конституции РФ установлен приоритет норм международного права над национальным законодательством: если международный договор Российской Федерации содержит иное правило, чем предусмотрено отечественным законом, применяется норма международного договора».

В соответствии со статьей 17 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность правового государства (статья 2 Конституции РФ).

Согласно пункту 3 статьи 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации также являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные УПК РФ, то применяются правила международного договора»².

Особой значимостью международное взаимодействие обладает в сфере уголовного правосудия, поскольку не только внутригосударственное, но и международное право допускает правомерное вмешательство в сферу

¹Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

²Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета от 22 декабря 2001 г. – № 249.

частных интересов лица и правомочное ограничение ряда прав в силу охраны публичных интересов.

Неспроста политический курс Российской Федерации, который направлен на качественную модификацию правоохранительной деятельности, реализуемый в рамках проводимой судебной реформы, в качестве необходимого условия предполагает активное взаимодействие российского законодательства с международными нормами, закрепляющими основополагающие права и свободы личности в уголовном судопроизводстве.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъясняется, что следует понимать под общепризнанными принципами и нормами международного права. К ним относятся «императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств. Отклонение от данных норм недопустимо. Общепризнанная норма международного права – это правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств, в качестве юридически обязательного»¹.

Верховный Суд РФ также пояснил, что согласно п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» «положения официально опубликованных международных договоров РФ, не требующие издания национальных актов для применения, действуют непосредственно»². Заметим, что согласно правовой позиции Верховного Суда РФ международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003. – № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета от 2 декабря 2003. – № 244.

²Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 17.07.1995. – № 29. – ст. 2757.

Кроме того, анализ постановлений¹ Конституционного Суда РФ показал, что в его решениях утвердился подход, когда общепризнанные принципы и нормы международного права используются в качестве стандарта, согласно которому в государстве обеспечиваются и реализуются права и свободы личности. Постановления Конституционного Суда РФ, с содержащейся в них правовой позицией и толкованием конституционно-правового смысла проверяемого закона, ориентирует законодателя и правоприменителя на применение международного права при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства и осуществления уголовной процессуальной деятельности.

Таким образом, в условиях развития внутригосударственного процессуального права, процессов сближения и приведения его норм в соответствие с европейскими (международными) стандартами в области прав человека вызывает научный интерес последний термин, прочно вошедший в юридическую терминологию.

Слово «стандарт» означает норму, образец, основу либо рассматривается как эталон; то, что принимается за исходное для сопоставления с чем-либо. «В неодобрительном смысле слово «стандарт» толкуется как шаблон или трафарет»². Стандартизация же различными словарями определяется как «установленный порядок строго определённых норм, качества, форм и размеров»³.

По определению Р. А. Мюллерсона, «все европейские нормы в области прав и свобод личности следует называть европейскими стандартами»⁴.

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко» // СПС «КонсультантПлюс».

²Оникова, Л.А., Шишлина, Н.В. Краткий политический словарь, М., 1980. – С. 396.

³Лехин, И.В., Петров, Ф.Н. Словарь иностранных слов 3е изд., перераб. и доп. М., 1949. – С. 613.

⁴Мюллерсон, Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. – С. 31.

Некоторые учёные отмечают определённую узкую направленность подобного подхода, указывая на «принципиальную важность того, что стандарты должны быть закреплены в международных документах и приняты мировым сообществом»¹, и что понятие стандарты в области прав человека означает «обязательные требования, нормы, закреплённые в международных актах»².

Трудно не согласиться с И. А. Коноваловой, которая под международными стандартами понимает «нормы, закреплённые в международно-правовых актах, имеющих разную юридическую силу, представляющих ценность для каждого индивида, государства и мирового сообщества в целом, в силу чего возникает необходимость их соблюдения всеми членами мирового сообщества»³.

По справедливому мнению С. А. Глотова международные стандарты в области прав человека – это, прежде всего, «международно-правовые обязательства, развивающие и конкретизирующие основополагающие принципы уважения прав человека»⁴. Д. Ю. Матвеев считает, что европейские стандарты – это «юридические нормы, касающиеся всех прав и свобод человека, а также механизмов их гарантирования»⁵.

В юридической науке предлагается концепция, в соответствии с которой европейские стандарты являются новыми источниками права. На наш взгляд, с этим нельзя согласиться, поскольку и договор, и обычай могут содержать стандартное правило. Обратим внимание, что Г. Кельзен в своей

¹Садовникова, М. Н. Международные стандарты обращения с несовершеннолетними правонарушителями: некоторые терминологические проблемы, обзор основных нормативно-правовых актов // Сиб. юрид. вестн., 2005. – № 5. – С. 43.

²Азаров, А., Ройтер, В., Хюфнер, К. Права человека: международные и российские механизмы защиты. М., 2003. – С. 27.

³Коновалова, И. А. Российское законодательство и международные нормы в области предупреждения правонарушений несовершеннолетних // Административное и муниципальное право, 2008. – № 6. – С. 7.

⁴Глотов, С. А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека: дис. ... докт. юрид. наук. - Саратов, 1999. – С.134.

⁵Матвеев, Д. Ю. Европейские правовые стандарты в правовой системе Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук. - М., 2003. – С. 14.

работе «Чистая теория права»¹ дал теоретические разъяснения, касающиеся принципов и стандартов международного правосудия и их места в иерархии норм международного права. Он разделил нормы международного права на три группы: 1) нормы «общего» международного права, сформировавшиеся как международно-правовые обычаи и нашедшие отражение, помимо международных договоров, в национальных актах государств;

2) нормы международного права, созданные на основе международных договоров, обязательные только для тех государств, которые в них участвуют;

3) нормы, созданные международными судами и другими межгосударственными образованиями на основе международного договора.

Указанная классификация вполне применима к предмету нашего исследования, поскольку европейские стандарты в области прав человека возникли и развивались как обычные правовые нормы, но выступают в качестве универсальных и общепризнанных норм по отношению к российскому законодательству.

Европейские (международные) стандарты в области прав человека находят своё содержание в многочисленных нормах международного права, которые различны как по своей юридической силе, так и политико-правовой значимости в системе международных обязательств государств. Вместе с тем, разнообразие форм закрепления не может уменьшать их значения как ориентира для развития российского уголовно-процессуального законодательства, что подчёркивается не только в положениях Конституции РФ, но и в УПК РФ.

Перечень международных актов, определяющих правовой статус личности, признаваемых в качестве универсальных или общепризнанных стандартов, обширный. Первым можно назвать Всеобщую декларацию прав

¹ Kelsen H. Pure Theory of Law. Gloucester (Mass.), 1989. – P. 324.

человека¹, послевоенные международно-правовые документы и закончить актами Генеральной Ассамблеи и других органов Организации Объединённых Наций: более 30 международных документов, направленных на обеспечение защиты прав личности в различных общественных отношениях, в том числе и уголовно-процессуальных, в которых закреплены либо истолкованы нормы обозначенного характера.

К международным актам, в которых разъясняются вопросы осуществления правосудия по уголовным делам, относятся: «1) Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов(1985 г.);

2) Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (1985 г.);

3) Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование (1990 г.);

4) Рекомендация Комитета министров Совета Европы «Относительно управления системой уголовного правосудия» (1995 г.);

5) Европейская хартия о статусе судей (1998 г.) и другие».

Данные документы являются международными правовыми стандартами и служат образцом для национальной системы уголовного правосудия.

Мы считаем, что вопрос классификации международных стандартов в области прав человека в уголовном судопроизводстве заслуживает отдельного внимания. Можно выделить международные стандарты прав лиц, подвергающихся уголовному преследованию и находящихся под стражей, а также стандарты прав жертв преступлений; стандарты осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних; стандарты, касающиеся особенностей международного взаимодействия в сфере применения принудительных мер медицинского характера и другие.

¹Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) // Библиотечка «Российской газеты». – 1999. – № 22-23.

Отдельно отметим, что существование норм, регулирующих производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, о применении принудительных мер медицинского характера, а также порядок проведения следственных действий с участием несовершеннолетних говорит об определённых процессуальных требованиях к правоспособности личности в уголовном процессе и дополнительных процессуальных гарантиях указанной категории.

Как отмечается в Руководящих принципах, касающихся правосудия для детей-жертв и свидетелей преступлений, каждый ребёнок – это уникальная и имеющая большую ценность личность, индивидуальное достоинство, особые интересы и частная жизнь которой должны быть признаны и пользоваться защитой. Кроме этого, наблюдается общий положительный сдвиг в сфере основ российского правового регулирования уголовно-процессуальной дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами, за счёт признания за ними возможности осуществления процессуальных прав.

В зависимости от «обязательности источника, закрепляющего важнейшие права участников уголовного судопроизводства, можно выделить международные стандарты участников уголовного процесса, содержащиеся в обязательных и рекомендательных международных актах»¹.

К стандартам, содержащимся в обязательных международных актах, относятся стандарты, закреплённые в двусторонних и многосторонних договорах, обычаях международного права, а также предписаниях международных органов, создаваемых на основе международных договоров. К числу таких обязательных международных актов относится Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция о правах ребенка, Международный пакт о гражданских и политических правах.

¹Спесивов, Н.В. Классификация международных стандартов прав несовершеннолетних участников уголовного процесса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 2 (97). – С. 216.

К группе рекомендательных международных стандартов относят такие, которые закреплены в актах, принятых на различных конференциях, а также органами, образуемыми на базе международных договоров. Данные международные акты являются актами «мягкого» права, носят рекомендательный характер (Пекинские правила и другие документы, принятые в виде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, касающиеся вопросов защиты прав личности в уголовном судопроизводстве). Однако обладают международной значимостью, являясь продуктом международных переговоров и следствием достигнутого согласия.

Также к международным (европейским) стандартам в области прав человека «применительно к уголовному судопроизводству можно отнести - стандарты в области этики и гуманизации уголовного судопроизводства»¹.

На наш взгляд, международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства очерчивают границы дозволенного поведения участников уголовного процесса через общие принципы его осуществления и права, которыми должны быть наделены участники уголовного судопроизводства. «Обязанности же лиц, вовлечённых в орбиту уголовного процесса, «стандартизации» не подлежат, не могут противоречить общим международно-правовым принципам и должны устанавливаться государствами в зависимости от национальных, религиозных и иных традиций и устоев»².

Интересным представляется вопрос разграничения содержания европейских стандартов в области прав человека и международных стандартов в области прав человека.

Европейские стандарты в области прав и свобод человека – это признанные Европейским сообществом и закреплённые в его официальных

¹Ермишина, Н.С. Европейские стандарты в области прав человека и их роль в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе: автореферат дис. ... кандидата юрид. наук / Саратов, 2012. – С.26.

²Спесивов, Н. В. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Спесивов. – Саратов, 2015. – С.123.

документах правовые нормы, включающие в себя все неотъемлемые и естественные права и свободы человека, а также способы их обеспечения и защиты. Под европейским стандартом в области прав человека понимают особую «планку» определения степени верховенства права и уровня развития демократии в определённом государстве.

Н. В. Спесивов определяет, что международные стандарты в области прав человека – это «минимальные правовые требования, необходимые для создания основы существования международной системы прав человека, признанные мировым сообществом и закреплённые в его документах обязательного или рекомендательного характера юридические нормы, в которых установлены основные права и свободы лиц, находящихся под юрисдикцией мирового сообщества государств»¹.

Наше исследование показало, что при изучении учёными европейских стандартов прав человека, как правило, не говорится о минимальных нормативных требованиях, как в случае с международными стандартами. Кроме того, европейские стандарты в области прав личности вырабатываются государствами, которые близки и исторически, и географически. Такие стандарты, содержащиеся в международных документах, к которым присоединились государства, расположенные в рамках одного географического района, следует считать региональными. Именно к ним мы относим европейские стандарты в области прав и свобод человека, которые выступают в качестве региональной части общей универсальной международной системы гарантий прав и законных интересов участников уголовного правосудия.

Отличие можно проследить при исследовании особенностей формулировок отдельных прав и свобод, их гарантий, механизмов их осуществления². Так, ст.4 Всеобщей Декларации прав человека довольно

¹Спесивов, Н. В. Указ. соч. – С. 123.

²Бадалянц, Ю.С., Ягофаров, Д.А. Права человека: учебное пособие. – Москва-Рязань: Издательство «Поверенный». – 2006. – С. 324.

кратко формулирует проблему недопустимости рабства, работорговли и подневольного состояния. В свою очередь ст. 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод указанный стандарт достаточно подробно раскрывает в трёх частях указанной статьи, включая и расшифровку термина «принудительный труд», который отсутствует во Всеобщей Декларации прав человека.

Во всяком случае, международные стандарты в области прав человека и европейские стандарты в области прав человека очень близкие по содержанию понятия, которые можно рассматривать как общее и частное.

К европейским стандартам в области прав человека, имеющим огромное значение в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе относят права и свободы, закреплённые в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также содержащиеся в постановлениях Европейского Суда по правам человека. К ним относят: 1) запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (статья 3);

2) право на свободу и личную неприкосновенность (статья 5);

3) право на справедливый судебный процесс (статья 6);

4) гарантии правовых средств в уголовных делах; право на компенсацию при судебных ошибках, право не быть повторно судимым или наказанным в уголовном порядке (Протокол № 7);

5) право на эффективное средство правовой защиты (статья 13);

6) право на уважение личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции (статья 8).

Трудно не согласиться с выделенными в юридической науке свойствами европейских стандартов в области прав человека в сфере уголовного судопроизводства:

1) «европейские стандарты прав личности являются собирательной категорией, которая отражает обобщённое представление о правах и

свободах человека с учётом современного состояния права, правовой науки и идеалов правового государства;

2) будучи элементом механизма правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности, они включают нормы права, сформировавшиеся под влиянием принципов международного права в целом, поддерживаемые Европейским судом по правам человека, а также юридические факты, отражённые в итоговых решениях данного суда;

3) европейские стандарты прав личности выступают правовыми средствами, обеспечивающими функционирование процессуально-правового механизма, и действуют на всех стадиях правового регулирования уголовного процесса;

4) европейские стандарты накапливают в себе правила поведения, применимые всегда, в любых обстоятельствах и к любым участникам уголовно-процессуальной деятельности, и отражают состояние данного вида общественных отношений, их особенности;

5) стандарты в области прав человека обладают свойствами «гибкости», позволяющими признать их обязательность государствам с различными историческими и правовыми традициями, и не влияют на процедурные и организационные моменты построения системы уголовно-процессуальной деятельности в конкретном государстве»¹.

Осознавая огромную значимость европейских стандартов в области прав человека в российском уголовном судопроизводстве, приходится констатировать редкое обращение российских судов при осуществлении ими правосудия к указанным стандартам, изложенным в Конвенции о защите прав человека и свобод, и детализированным в правовых позициях Европейского Суда по правам человека.

По справедливому замечанию З. Д. Еникеева, «многие судьи, прокуроры, следователи и другие работники правоохранительной системы еще не осознали практические потребности и требования, вытекающие из

¹Ермишина, Н.С. Указ. соч. С. 24.

факта вхождения России в европейское правовое пространство»¹. Причиной данной ситуации являются, на наш взгляд, низкий уровень информированности судей о содержании европейских стандартов; отсутствие официально признанного государством перевода и источника публикаций постановлений Европейского Суда по правам человека.

Европейские стандарты в области прав человека являются результатом накопления опыта сотрудничества государств по решению определённого круга вопросов, а именно связанных с правовым положением личности в аспекте ограничения ее прав и свобод.

Задачей демократического государства является создание таких условий существования общества, которые в максимальной степени препятствовали бы нарушению прав личности, а в случае нарушения - обеспечивали их восстановление и надлежащую компенсацию причиненного вреда.

1.2 Концепция правового статуса личности в российском уголовном процессе

Конституция РФ провозгласила наше государство демократическим правовым государством, а человека, его права и свободы — высшей ценностью, подчеркнув при этом, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – это обязанность государства.

Очевидно, что принцип «главенства прав и свобод личности» касается любой сферы государственной деятельности, в том числе и уголовно-процессуальной, так как при ее осуществлении права и свободы личности ощутимо затрагиваются, а в определённых законодателем случаях,

¹Еникеев, З.Д. Международные акты о борьбе с преступностью и современная российская действительность//Проблемы реализации международных стандартов в правоприменительной системе России: материалы Всероссийской научно-практической конференции 1-2 июня 2005 г. – Ч. 1. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 56.

существенно ограничиваются. «Именно в уголовном судопроизводстве в полной мере применяются меры государственного принуждения, разрешаются вопросы о виновности или невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления; кроме того, при осуществлении такого вида деятельности в значительной степени затрагиваются права личности, выступающей со стороны обвинения - потерпевшего, а также других лиц, чьи интересы затронуты, совершённым преступлением»¹.

Философская категория «личность» применяется для обозначения, в первую очередь, лица, вовлечённого в орбиту уголовного судопроизводства, независимо от его процессуального положения. При этом, «личность» выражает то общее, что характерно для всех участников уголовного судопроизводства вообще и для каждого индивидуально. Действительно, уголовно-процессуальный статус различных участников уголовного процесса, несомненно, различается в зависимости от их заинтересованности в результате производства по уголовному делу. Так ряд участников имеют в деле личную заинтересованность в благополучном для них исходе уголовного дела. Таким образом, дифференцируется объём их прав и обязанностей, степень охраны и защиты.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ указывает на приоритет фактического положения личности в уголовном судопроизводстве над обретаемым уголовно-процессуальным статусом. В Постановлении Конституционного Суда РФ № 11-П от 27.06.2000 г. по делу В.И. Маслова обращается внимание на необходимость учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт осуществления обвинительной деятельности может подтверждать проведение в отношении лица следственных и иных процессуальных действий, а также других мер, предпринимаемых в целях его изобличения в

¹Гурдин, С.В. Современные тенденции обеспечения прав личности в уголовном процессе// Вестник Московского университета МВД России. - 2016. - № 4. - С. 53.

совершении преступления или свидетельствующих о наличии подозрения. Данная позиция дублируется в Определении Конституционного Суда РФ № 851-О-О от 20.11.2008 г. по жалобе О.Г. Усанова, в Определении № 1309-О от 05.06.2014 г. по жалобе С.В. Майоровой. Анализ решений Конституционного Суда РФ показывает, что обеспечение права на защиту должно исходить из наличия определённых существенных признаков, характеризующих фактическое положение лица в уголовном судопроизводстве.

На наш взгляд, институт личности в уголовном процессе является самостоятельным правовым институтом, который обладает присущими ему смыслообразующими характерными свойствами:

- 1) «специализированная система правового регулирования, основанная на нормах международного права, Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства РФ;
- 2) вовлечение лица в уголовное судопроизводство образует специфичные общественные отношения, что является материальным признаком института личности в уголовном процессе;
- 3) личность в уголовном процессе обладает особой уголовно-процессуальной дееспособностью и деликтоспособностью;
- 4) свобода личности является основополагающим принципом всей уголовно-процессуальной деятельности.
- 5) наличие юридической ответственности личности за совершение процессуальных нарушений»¹.

На наш взгляд, права личности в уголовном судопроизводстве обеспечиваются тогда, когда осуществление уголовно-процессуальной деятельности направлено на соблюдение, недопущение нарушения прав и личности, а также, создание благоприятных условий, при которых личность может беспрепятственно реализовывать свои процессуальные права и

¹ Лукьянова, А.А. К вопросу о регламентации института личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. - 2015. - № 401. - С. 228.

добросовестно исполнять свои обязанности, выступая в качестве того или иного участника уголовного процесса.

Перед российским правоприменителем стоят две равновеликие и равнозначные цели, которые ему необходимо достичь в процессе осуществления своих полномочий. Первая группа предусматривает защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Защита прав, свобод и законных интересов граждан и организаций от преступных посягательств и необоснованного ограничения по сути дела является той генеральной идеей, которая определяет цели и принципы уголовного судопроизводства, а также содержание уголовно-процессуального закона в целом. Кроме того, если уголовное законодательство осуществляет также превентивную функцию, предупреждая преступные посягательства в отношении объектов, охраняемых уголовным законом, то соответствующая цель уголовного судопроизводства отражает его защитную правосстановительную функцию применительно к лицам, потерпевшим от преступлений. А также в первую группу входит защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Данная цель уголовного судопроизводства, безусловно, имеет ярко выраженный превентивный характер. Если первая в качестве объектов защиты называет потерпевших от преступлений, то предупреждение от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод личности распространяется на неопределённый круг лиц, вовлечённых в орбиту уголовного процесса. Это могут быть не только подозреваемый и обвиняемый, как лица, подвергаемые уголовному преследованию, но также и потерпевший, свидетель и другие участники уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы могут быть незаконно и необоснованно ограничены, к которым без должных на то оснований могут быть применены принудительные меры.

Вторая группа положений, составляющих назначение уголовного судопроизводства по своей сущности, имея публично-правовой характер,

преследует публичную цель, которая предусматривает «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, а также отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитацию каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию»¹.

Философское понятие «личность», «будучи самой обобщённой по уровню абстракции категорией, должно охватывать всё разнообразие индивидуумов, чтобы обеспечить надежную защиту их прав и интересов»². Понятия «личность» и «человек» отличаются друг от друга лишь как научные абстракции. Проводимая между ними грань условна, «ибо она характеризует с разных сторон единый (расщепляемый лишь в абстракции с целью более глубокого его изучения) объект — человеческую личность, человека»³.

В связи с этим огромное значение приобретает вопрос о круге лиц, относящихся к участникам уголовного судопроизводства и, соответственно, наделяемых определёнными правами и обязанностями, нуждающимися в их охране и защите. На наш взгляд, личность, вовлечённая в орбиту уголовного правосудия, может выступать в качестве любого его участника - носителя процессуальных прав и обязанностей.

М.С. Строгович разграничивал понятия «субъект уголовно-процессуальных отношений» и «субъект уголовно-процессуальной деятельности», последнее из которых отождествлял с категорией «участники уголовного процесса». По его мнению, «основным признаком определения лица как «субъекта деятельности» является «отстаивание в процессе определённого интереса», а в целом само участие таких лиц образует производство по уголовному делу. В свою очередь свидетель и эксперт, не

¹Петрухин, И.А. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник для вузов. 2-ое изд., перераб. и доп. М. – 2009. – С.69.

²Тулиев, В.Е., Рудинский Ф.М. Демократия и достоинство личности. – М.: Наука, 1983. – С. 13.

³Бережнов, А.Г. Права личности. Некоторые вопросы теории. – М.: издательство МГУ, 1991. – С. 105.

являясь «субъектами уголовно-процессуальной деятельности», относятся к более объёмной по своему смыслу категории «субъекты уголовно-процессуальных отношений»¹.

Однако предоставление любого процессуального права может превратиться для личности, участвующей в уголовном судопроизводстве в простую формальность, если не будут созданы надлежащие условия для его беспрепятственного осуществления. Некоторые учёные, считают, что в «большой степени нуждаются в защите интересы лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления»². Так как именно эти лица, как правило, могут быть ограничены в информации, находиться в местах временной изоляции от общества, ограничены в других своих конституционных правах.

Действительно, в отношении подозреваемого, обвиняемого существует реальная угроза подвергнуться наказанию со стороны государства, именно в отношении указанных лиц с теоретической точки зрения возможно проявление факта наивысшей степени несправедливости - постановление незаконного, необоснованного, несправедливого приговора суда. Таким образом, на месте осуждённого за совершение преступления может оказаться невиновный человек.

На наш взгляд, потерпевший от преступления должен в той же мере быть защищённым государством в лице его органов, как и субъект, совершивший уголовно-правовое деяние. Потерпевший как гражданин, права которого нарушены преступлением, интересы которого государство не сумело уберечь от преступного посягательства, вправе ожидать от государства в лице его органов действий, направленных на восстановление нарушенных прав, включая возмещение причиненного преступлением вреда.

¹Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. - Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. - М.: Наука, 1968. - С.243.

² Гурдин, С.В. Указ. соч. – С. 56.

Сложившаяся правовая позиция Конституционного Суда РФ, а также «теоретические подходы в науке уголовного процесса свидетельствуют о существовании проблемы разграничения процессуального статуса и фактического положения личности на начальных этапах уголовного судопроизводства»¹. В частности, не обладая установленным процессуальным статусом, личность уже может претерпевать ограничения, например как «заподозренный» на этапе доследственной проверки. Фактически правовое положение лица подпадает под статус подозреваемого, хотя юридически это невозможно. В другом случае человек может фактически обладать таким правовым статусом, гипотетически с комплексом прав и обязанностей, который нельзя определить ни одним из перечисленных в УПК РФ участников уголовного судопроизводства, к таковым можно отнести заявителя в дежурной части.

Концепция личности в уголовном процессе неразрывно связана с уголовно-процессуальными гарантиями. Уголовно-процессуальные гарантии – это «система закреплённых правовыми нормами средств и способов, обеспечивающих реализацию прав участников уголовного судопроизводства, их защиту, восстановление в случае нарушения, а также охрану законных интересов»². Сущность уголовно-процессуальных гарантий в уголовном судопроизводстве заключается в создании объективных условий и реальных предпосылок для обеспечения прав личности в уголовном процессе.

К процессуальным гарантиям участников уголовного судопроизводства, следует отнести:

1) права субъектов уголовно-процессуальной деятельности, приобретающие статус гарантий личности.

¹ Лукьянова, А.А. Указ. соч. - С. 230.

² Лебедев, В.М. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – С.52.

2) Закреплённые в законе обязанности субъектов уголовного судопроизводства, направленные на охрану законных интересов участников уголовного процесса.

3) Уголовно-процессуальную форму, определяющую порядок производства в целом или отдельных процессуальных действий и создающую детально урегулированный, обязательный для всех участников режим производства по уголовному делу, соответствующий задачам и принципам уголовного судопроизводства.

4) Институты уголовно-процессуального права, позволяющие участникам осуществлять свои права и добиваться восстановления законных интересов (институт обжалования, например).

5) И наконец, принципы уголовного судопроизводства – общие руководящие, исходные положения, определяющие наиболее существенные стороны уголовно-процессуальной деятельности, построение всех стадий уголовного судопроизводства, содержание всех его форм и институтов, обеспечивающие достижение назначения уголовного процесса.

Следует отметить, что уголовно-процессуальные гарантии прав личности в уголовном процессе составляют единую, взаимосвязанную жёсткую систему. Нарушение любого элемента этой системы не только нарушает права конкретного участника уголовного судопроизводства, но и неизбежно отражается на функционировании всей системы, приводит к ущербу, неэффективности, искажению результата производства по уголовному делу.

Л.Д. Воеводин среди признаков личности применительно к конституционному статусу выделяет свободу выбора линии поведения и ответственность, то есть способность сознательно, по своей воле, предвидя последствия своих действий, избирать вид и меру собственного поведения. Именно «свобода и ответственность в совокупности первоначально

определяют и очерчивают границы, пределы, рамки осуществления конституционных прав»¹.

А.В. Малько говорит о том, что раз существуют европейские стандарты прав человека, то должны существовать и стандарты их ограничения с комментариями целей и условий их применения. Для того чтобы, «с одной стороны, уничтожить основу для произвола и злоупотребления властью, творимых «национальными» чиновниками, а с другой стороны, учитывая тенденцию российской правовой системы к интеграции с правовыми системами развитых стран, создавать общие «наднациональные» механизмы реализации прав человека и их ограничений»².

Однако О.И. Андреева говорит о том, что «в уголовном судопроизводстве невозможно вести речь о самоограничении, а свобода человека в выборе вариантов поведения, в осуществлении прав должна быть поставлена под контроль государства и государственных органов»³. Отметим, что в настоящее время всё же прослеживается тенденция усиления диспозитивности в уголовном судопроизводстве (частное и частно-публичное обвинение, свидетельский иммунитет, альтернативная подсудность и другое).

На наш взгляд, критериями, определяющими пределы ограничения прав личности в уголовном процессе, являются:

- 1) сохранение сущностного содержания права;
- 2) обоснованность ограничения прав;
- 3) соразмерность ограничения прав;
- 4) совместимость с другими правами.

¹Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М-Норма, 1997. - С. 243.

²Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – С.76.

³Андреева, О.И. К вопросу о способах правового регулирования в российском уголовном процессе // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11/2. – С. 125.

Таким образом, мы подчёркиваем, что участие лица в уголовном судопроизводстве образует самостоятельный правовой институт – институт личности в уголовном процессе, основанный на правовой позиции о фактическом положении личности в уголовных правоотношениях, который обширнее обозначенного УПК РФ круга участников уголовного судопроизводства. На наш взгляд, личность в уголовном судопроизводстве – субъект, наделённый комплексом прав и обязанностей вследствие добровольного или принудительного вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность в качестве участника или возможного участника уголовного судопроизводства.

Закономерным отражением современной тенденции в направлении усиления гарантий прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, является повышенное внимание к существующим европейским стандартам в области прав человека, которые аккумулируют в себе наиболее передовые правовые концепции, определяющие положение личности в уголовном процессе. Европейские стандарты аккумулируют опыт сотрудничества государств по решению определённого круга вопросов, связанных с правовым положением личности, в частности, в аспекте ограничения ее прав и свобод.

ГЛАВА II СОДЕРЖАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

2.1 Постановления Европейского Суда по правам человека как средство толкования и обеспечения реализации европейских стандартов

Наиболее важный и основополагающий договор в сфере соблюдения прав и свобод человека – Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция). В соответствии с нормами Европейской конвенции был создан международный орган, контролирующей ее соблюдение – Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд), в который все частные лица могут обращаться с заявлениями о нарушениях странами-участниками прав, гарантируемых Европейской конвенцией. Европейский Суд вступает в дело, только если проблему невозможно решить на национальном уровне. Это подчеркивается в п.1 ст. 35 документа: «Суд может принять дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права».

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «правовые позиции Европейского Суда, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов»¹. С целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях,

¹Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 г. Москва № «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета 5 июля 2013 г. – №6121 (145).

которые приняты в отношении других государств - участников Конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда. Отметим, что обратившись к ст. 32 Европейской конвенции, можно убедиться, что в компетенции Европейского Суда находятся вопросы, относящиеся к толкованию и применению положений Европейской конвенций и Протоколов к ней.

На наш взгляд, Европейскому Суду отводится роль гаранта прав граждан и их защиты в области личных имущественных и неимущественных прав. Поскольку основной целью его создания было «формирование конституционных рамок для федеративного порядка в Европе, что предполагает стимулы по совершенствованию действующего законодательства всех стран-участниц и их правоприменительной практики, в том числе и Российской Федерации»¹.

Однако некоторые учёные не согласны с такой позицией. Например, В. А. Туманов считал, что «не стоит преувеличивать правомочия Европейского Суда в отношении действующего права и судебной практики государства - участника, так как Европейский Суд не составляет звено национальной судебной системы, и не вправе давать суверенному государству какие-либо указания, тем более обязательные, касающиеся его судебной, административной, правотворческой практики»².

Не соглашаясь с данной точкой зрения, Е. Г. Лукьянова указывает, что «государства добровольно ограничивают свои суверенные права, признают их источниками своего внутреннего права и обязуются следовать им во

¹Веретенникова, Е. В. Компенсация морального вреда реабилитированным в судопроизводстве России: монография. Иркутск: издательство ИГУ, 2011. – С. 48.

²Туманов, В. А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. - М.: Норма, 2001. – С. 47.

внутригосударственной практике»¹. Несколько в другом аспекте, однако, с идентичной мыслью выступает С. А. Глотов. Он отмечает, что «Европейский Суд создавался не только для разъяснения положений европейского международного договора, но и как контрольный механизм, с помощью которого предполагалось воздействовать на нормы национального законодательства, а также формировать единую политику Совета Европы»².

С ним солидарен Н. Б. Топорин, обосновывающий «абсолютную юридическую силу постановлений транснационального органа, которые не подлежат обжалованию и обязательны для исполнения всеми российскими органами государственной власти»³. Однако Б. Л. Зимченко считает, что «не существует прецедентного права Европейского Суда, есть лишь прецеденты толкования»⁴.

Вместе с тем М. Н. Марченко отмечает, что в природе «нет «универсального» явления под названием «прецедент» как нет и аналогичного ему и адекватно отражающего его понятия, одинаково «приложимого» к любой национальной правовой системе, включая правовую систему России»⁵.

Сложно не заметить, что в последнее время в правовую систему Российской Федерации всё заметнее внедряется прецедент как особый источник права. Юридическая сила прецедента основана на признании позиции высших судебных органов. В теории прецедент рассматривается как объективированный результат формирования и бытия права. По сути своей постановления высшей судебной власти являются нормами общего характера, содержащими предписания относительно толкования и

¹Лукьянова, Е. Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). М.: Норма, 2006. – С. 62.

²Глотов, С. А. Указ соч. - С. 152.

³Топорин, Н.Б. Европейское право. - Учебник. – М.: Юристъ, 1998. – С. 245.

⁴Зимченко, Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. - М.: Статут, РАП, 2006. – С. 306–307.

⁵Марченко, М. Н. Юридическая природа и характер европейского Суда по правам человека // Государство и право, 2006. – № 2. – С. 12.

применения уже существующих норм права, позволяющими всем правоприменителям использовать их в качестве общеобязательного правила.

На наш взгляд, Европейский Суд не создает нормы права в области прав и свобод человека, он лишь излагает своё мнение о том, как должна быть применена и истолкована действующая норма. Таким образом, европейские стандарты в области прав человека содержатся только в Европейской конвенции, а в постановлениях Европейского Суда лишь получают своё толкование.

УПК РФ закрепил последствия вынесения Европейским Судом постановлений и порядок их применения при возобновлении производства по уголовному делу в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Уголовно-процессуальным законом установлено, что новым обстоятельством для возобновления производства по уголовному делу является: установленное Европейским Судом нарушение положений Европейской конвенции при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с:

- а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;
- б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

С одной стороны, вступление Российской Федерации в Совет Европы в 1996 г. и принятие на себя в этой связи обязательств по ратификации Европейской конвенции по защите прав и основных свобод явилось определённым запускающим механизмом, гораздо ускорившим российскую законодательную реформу. С другой стороны, со вступлением в Совет Европы Россия получила свободный доступ к успешному европейскому опыту работы государственных институтов, европейским конституционным обычаям и традициям. При этом отметим, что сам институт «имплементации» норм Европейской конвенции в национальное законодательство базируется на учении «пределов усмотрения». Сущность

теории заключается в сохранении демократическим государством и обществом относительной свободы в определении того, что является действительно важным и необходимым в сфере защиты прав и свобод в каждом конкретном случае.

Автор метко отметил, что «главной проблемой, с которой столкнулась Российская Федерация, является необходимость одновременного решения двух не всегда легко сочетаемых задач: гармонизации российской правовой системы с общеевропейским правовым пространством, с одной стороны, и защиты собственной конституционной идентичности — с другой»¹.

Основанием для возникновения вопроса «соотношение юридической силы Конституции Российской Федерации и Европейской конвенции» явилась неопределенность в толковании части 4 статьи 15 Конституции России. Напомним, в указанной норме устанавливается, что принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы государства, и если международным договором установлены иные правила поведения, чем предусмотренные законом государства, то применению подлежат положения международного договора.

Если вернуться к началам принятия на себя обязательств по исполнению постановлений Европейского Суда, официально оформленных Протоколом № 11 (1994) к Европейской конвенции, вступившим в действие в 1998 г., а позднее – Протоколом № 14 (2004), вступившим в силу в 2010 году, можно выделить две модели внедрения норм Европейской конвенции в национальное законодательство стран-участниц.

Трансформационный тип имплементации означает воспроизведение положений Европейской конвенции в национальном законодательстве. Например, указанной модели придерживается Федеративная Республика

¹Зорькин, В.Д. Проблемы имплементации Конвенции о правах человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 5 (54). – С. 817.

Германия. Согласно второму типу, который именуется в теории международного права рецепционный, Европейская конвенция непосредственно входит в систему внутреннего права. Данная модель действует в Австрии, Франции. Органы государственного управления и суды при этом применяют её как таковую, поэтому внутригосударственные суды обязаны следовать нормам Европейской конвенции даже вопреки предписаниям национального закона.

Интересно по нашему мнению, что европейская правовая традиция говорит государствам - участникам, что Европейская конвенция устанавливает лишь минимальный уровень, минимальные стандарты защиты прав и свобод человека, которые должны быть гарантированы всем частным лицам. Международный договор - Европейская конвенция не создает барьеров для обеспечения более эффективной, усиленной защиты граждан посредством реализации норм национального права, поскольку краткие формулировки Европейской конвенции едва ли могут дать ответы на все вопросы правоприменения во всех европейских странах одновременно. Так, закрепляя европейские стандарты в области прав и свобод человека, Европейская конвенция возлагает на страны обязанность организовывать правовую систему таким образом, чтобы национальные суды справлялись с обязательствами рассматривать дела в соответствии с европейскими общепризнанными нормами защиты прав человека в установленные законом сроки.

Именно поэтому Европейский Суд всегда исходил из того, «что Европейская конвенция является «живым инструментом», а рассматриваемые дела позволяют ему уточнять, конкретизировать, а в чём-то и расширять нормативное содержание защищаемых Европейской конвенцией установленных прав и свобод человека и гражданина»¹. Согласно целям

¹Постановление ЕСПЧ «Тайрер против Соединенного Королевства (Tytler v. the United Kingdom)»: от 25 апреля 1978 года (жалоба № 5856/72).

принятия Европейской конвенции, Европейский Суд по правам человека последовательно отстаивает ее толкование таким образом, чтобы закреплённые в ней права оставались эффективно действующими.

Неисполнение обязательных постановлений Европейского Суда по правам человека государствами – членами Совета Европы, в соответствии с Уставом Совета Европы и статьёй 46 Европейской конвенции, может привести к приостановлению членства этого государства в Совете Европы, а кроме того, согласно решению Комитета министров, исключению государства-участника из состава указанного межгосударственного образования.

На наш взгляд, в судебной практике Европейского Суда по правам человека может возникнуть ситуация, когда его решения будут противоречить Конституции конкретного государства-ответчика. В связи с чем, могут встать серьёзные проблемы, связанные с реализацией принципа обязательности исполнения постановлений Европейского Суда: так называемая ситуация «конфликта» между обязательствами, вытекающими из Европейской конвенции как из международного договора, и Конституцией государства, являющегося членом Совета Европы.

В нашей стране имеется Постановление Конституционного Суда РФ¹, в котором Конституционный Суд РФ нашёл способ разрешения данной проблемы. Свою правовую позицию, изложенную в указанном решении,

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // «Российская газета» от 27 июля 2015 г. № 163.

Конституционный Суд РФ основывает на ч. 1 ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров¹.

Конституционный Суд РФ опирается на концепцию суверенитета государства, который, по его мнению, является неразделимым, означает всю полноту государственной власти и не может быть ограничен даже в связи с членством Российской Федерации в Совете Европы. Конституционный Суд РФ полагает, что в контексте положений Венской конвенции о праве международных договоров решение уполномоченного межгосударственного органа, в том числе и постановление Европейского Суда по правам человека, не может быть исполнено Российской Федерацией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы международного договора, на котором основано это решение, нарушает соответствующие положения Конституции Российской Федерации.

В.Д. Зорькин говорит о том, что «это решение Конституционного Суда РФ (также как и предыдущее постановление от 6 декабря 2013 г. № 27-П, вынесенное по запросу Ленинградского окружного военного суда) не содержит в себе никакой сенсации, поскольку оно воспроизводит и развивает многократно высказанную Конституционным Судом РФ правовую позицию о верховенстве нашей Конституции при исполнении решений Европейского Суда. Приведённое нами Постановление, по мнению именитого учёного, лишь предусматривает необходимые институциональные гарантии такого верховенства»².

Нельзя не согласиться с тем, что правовая позиция Конституционного Суда РФ является «вполне логичной, обоснованной. Особенно с участвовавшими случаями принятия Европейским Судом так называемых «политических решений»»³. «Серьёзную роль в применении или

¹Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1986 г., № 37, ст. 772.

²Зорькин, В.Д. Указ.соч. – С. 819.

³Молотов, А.В. Исполнение решений Европейского суда по правам человека через призму Российской правовой системы и правовых позиций Конституционного Суда РФ //

неприменении решения Европейского Суда играет конъюнктура события происходящего на международной арене»¹.

Действительно, ни для кого не является секретом, что некоторые постановления Европейского Суда вызывают вопросы (в частности, речь идет о решениях по делам «Константин Маркин против РФ», «Анчугов и Гладков против РФ», деле акционеров ЮКОСа и ряде других). В некотором роде Европейская конвенция коренным образом изменила представления государств-членов Совета Европы о допустимых пределах вмешательства во внутренние дела государств и распространила международно-правовое регулирование на внутринациональные отношения, раньше находившихся под исключительным контролем внутригосударственных властей.

Мы считаем, что некорректно связывать данное Постановление Конституционного Суда РФ с возникшей в последние годы напряжённостью в отношениях России с Евросоюзом и США, и рассматривать его чуть ли не как первый шаг на пути выхода России из Совета Европы посредством систематического неисполнения нашим государством решений Европейского Суда.

Некоторые авторы считают, что «возникает огромная проблема применения и исполнения постановлений Европейского Суда, так как теперь решения указанного органа имеют относительную юридическую силу»².

Вопрос о возможности исполнения или неисполнения определённых постановлений Европейского Суда разрешается не произвольно самим правоприменителем, а исключительно Конституционным Судом РФ в особом

Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 15-1. – С. 13.

¹Луканина, Е.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в имплементации решений Европейского суда по правам человека в отечественное право в призме сохранения национального суверенитета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2016. – № 14. – С. 89.

²Рыкунов, А.А. Исполнение решений Европейского суда по правам человека Россией и Францией: сравнительно-правовое исследование // Государство и право: теория и практика: материалы II Междунар. науч. конф. – Чита: Изд-во Молодой ученый, 2013. – С. 24.

формализованном правовом порядке, предусмотренным главой XIII.1, которой в декабре 2015 г. был дополнен Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ»¹.

В соответствии с внесёнными изменениями устанавливается право Конституционного Суда РФ разрешать вопрос о возможности или невозможности исполнения постановлений Европейского Суда как межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, с точки зрения принципа верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ.

Указанная позиция Российской Федерации не является чем-то новым для Европейского Суда. В таких европейских странах как Германия, Великобритания, Италия укоренилась точка зрения, что в постановлениях Европейского Суда используемая правовая позиция может быть настолько широкой, что затрагивает общественно-политические основы национальных Конституций. В подобных случаях судебные органы государств однозначно подчеркивают приоритет государственной конституции, напоминая Европейскому Суду о субсидиарном, дополнительном к национальному правопорядку характеру Европейской конвенции. Наиболее универсальной в этом плане является практика Федерального Конституционного Суда ФРГ, опирающаяся на выработанную им собственную правовую позицию об «ограниченной правовой силе Постановлений Европейского Суда».

В частности, при разрешении вопроса об исполнении или неисполнении постановления Европейского Суда Федеральный Конституционный Суд ФРГ определил, что во внутренней правовой системе Германии Европейская конвенция имеет статус федерального закона. Наряду с практикой Европейского Суда Европейская конвенция служит лишь ориентиром для толкования при определении содержания и сферы действия Основного Закона ФРГ и лишь при условии, что это не ведёт к ограничению

¹Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета от 23 июля 1994 г. № 138-139.

или умалению основных прав и свобод граждан, защищаемых Основным Законом ФРГ. Следовательно, Конституционный Суд ФРГ считает, что решения Европейского Суда не всегда обязательны для исполнения судами Германии, но и не должны полностью оставаться без внимания.

Таким образом, в приведённой правовой позиции Конституционного суда ФРГ речь идёт не о противостоянии между Европейской конвенцией и внутригосударственным законодательством, а о вопросах расширенного толкования отдельных положений Европейской конвенции и Дополнительных Протоколов к ней. Как правило, конституционные суды государств-участников Европейской конвенции говорят о рекомендательном характере постановлений Европейского Суда в определённых случаях, справедливо настаивая, что любые вопросы, касающиеся изменений конституционного законодательства, являются исключительной функцией самого государства.

А.С. Белов предлагает «национальной юстиции учитывать вышеуказанные решения надлежащим образом и осторожно приспособлять их к внутреннему законодательству»¹.

Поскольку в комплексных правовых анализах государств-участников Европейской конвенции неоднократно отмечалось, что формулируемые постановлениями Европейского Суда «позитивные обязательства» стран-ответчиков часто являются высокочрезвычайными и трудноисполнимыми в краткосрочной перспективе ввиду появления неприемлемых нагрузок на национальный бюджет. Однако Европейский Суд «расширяет свои полномочия, претендует на выработку универсальной системы правовых

¹Белов, С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 4. – С. 38.

принципов, при этом убедительно демонстрируя существенные различия в ценностных системах государств-участников Европейской конвенции»¹.

Конституционный Суд РФ рассмотрел запрос Министерства юстиции РФ, когда стал вопрос о возможности исполнения постановления Европейского Суда по делу «Анчугов и Гладков против России»². Конституционный Суд РФ признал невозможным исполнение постановления Европейского Суда по данному делу. А именно в части общих мер, предполагающих внесение в российскую правовую систему изменений, которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осуждённых, содержащихся в местах лишения свободы. Вместе с тем, предписание ч.3 ст. 32 Конституции РФ носит императивный характер и распространяется на всех таких осуждённых.

Конституционный Суд РФ указал, что федеральный законодатель правомочен, последовательно реализуя принцип гуманизма в уголовном праве, оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода определённых режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осуждённых, но не влекущие ограничения их избирательных прав.

Именно в связи с вышеизложенной проблемой Конституционный Суд РФ настаивает на мнении, что Россия не должна исполнять постановления Европейского Суда, которые прямо противоречат Конституции РФ. Безусловно, национальные суды могут и должны применять нормы Европейской конвенции в своей правоприменительной деятельности и предоставлять эффективную защиту от их нарушений. И соответственно,

¹ Лукьянцев, Г.Е. Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Москва: Звенья, 2000. – С.68.

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба №№11157/04 и 15162/05) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – Российское издание. – № 2/2014 г.

когда такая «национальная защита по тем или иным причинам оказывается неэффективной, граждане Российской Федерации должны иметь возможность подавать жалобы в Европейский Суд»¹.

В случае если правовые нормы или правоприменительная практика государства-участника Европейской конвенции явно и открыто противоречит общепризнанным европейским стандартам, это влечёт неблагоприятные последствия. На наш взгляд, при разрешении таких конфликтов государству не стоит изолироваться и закрываться, а нужно исходить из необходимости диалога и конструктивного взаимодействия. Именно таким путем могут быть построены по-настоящему гармоничные отношения между правовыми системами Европы.

Толкуя положения Конституция РФ (например, ч.1 статьи 4, ч.1 статьи 15 и статьи 79, закрепляющих суверенитет Российской Федерации, верховенство и высшую юридическую силу Конституции РФ, и недопустимость внедрения в правовую систему государства международных договоров, которые могут привести к ограничениям прав человека или посягнуть на основы конституционного Российской Федерации), Конституционный Суд РФ отмечает, что ни Европейская конвенция, ни иной международный договор России, ни основанные на них правовые позиции международных органов не отменяют для отечественной правовой системы приоритет Конституции РФ, и потому они подлежат реализации и исполнению в рамках этой правовой системы только при условии признания юридического верховенства именно Конституции Российской Федерации.

Одной из приоритетных задач, стоящих перед государствами – участниками Европейской конвенции, является «контроль за соответствием как существующего, так и вновь принимаемого внутринационального законодательства, а также правоприменительной практики стандартам,

¹Амплеева, Е.Е. Практика Европейского суда по правам человека и её значение для развития национальной системы защиты прав человека // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. – № 2 (31). – С. 16.

содержащимся в Европейской конвенции и в постановлениях Европейского Суда»¹.

2.2 Европейские стандарты о праве на справедливое судебное разбирательство в российском уголовном судопроизводстве

По справедливому замечанию Л. Б. Алексеевой, «ни одно закреплённое в международных нормах право не регулируется так подробно, как право на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам»².

Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашающая право каждого на справедливое судебное разбирательство, конкретизирует его содержание в следующих принципах процессуального права, подлежащих соблюдению национальными судами:

1) каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона;

2) должен соблюдаться принцип презумпции невиновности;

3) каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: а) быть незамедлительно и подробно уведомлённым на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия; г)

¹Водолагин, С. Конвенция о правах человека как составная часть правовой системы России // Рос. Юстиция, 2001. – № 8. – С.26.

²Алексеева, Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Алексеева Л.Б. - М., 2003. – С.44.

допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него; д) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке. Помимо этого, большое значение в данном контексте придаётся принципу состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, принципу равноправия сторон и другим аспектам справедливости. Таким образом, совокупность этих критериев составляет стандарт справедливого судебного разбирательства.

Право на справедливое судебное разбирательство понимается Европейским Судом «исключительно как право на должную (справедливую) процедуру, но не включает в себя право на получение благоприятного для заинтересованного лица судебного решения»¹. Некоторые положения, содержащиеся в различных постановлениях, свидетельствуют о том, что для Европейского Суда «представляется бесспорным то обстоятельство, что уголовный процесс вообще и судебная деятельность в частности предназначены для установления истины»².

Согласно данной позиции самостоятельная значимость процедурных и организационных принципов, включаемых в содержание права на справедливое судебное разбирательство, заключается в том, что они в своей совокупности регламентируют такой порядок, реализация которого позволяет обеспечить установление истины, принятие справедливого обоснованного и законного судебного решения в подавляющем большинстве

¹Микеле де Сальвиа. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. - С.277.

²Постановление ЕСПЧ по делу «Бекос и Кутрулопус (Bekos and Koutropoulos) против Греции» от 13.12.2005 (жалоба № 15250/02) П.69. Постановление по делу «Рудаков (Rudakov) против Российской Федерации» от 28.10.2010 (жалоба № 43239/04) П.60. Постановление ЕСПЧ по делу «Максимов (Maksimov) против Российской Федерации» от 18.03.2010 (жалоба № 43233/02). П.87 // СПС «КонсультантПлюс».

случаев, одновременно гарантируя при этом реализацию прав участников уголовного процесса.

Необходимо отметить, что действующий российский уголовно-процессуальный закон отвечает требованиям Европейской конвенции и в соответствующих законоположениях устанавливает аналогичные гарантии реализации права на справедливое судебное разбирательство:

1) статья 6.1 УПК РФ провозгласила принцип разумного срока уголовного судопроизводства; 2) статья 8 и 8.1 УПК РФ устанавливает принципы осуществления правосудия только судом и независимости судей и подчинения их только Конституции РФ и федеральному закону; 3) презумпция невиновности также закреплена в ст. 14 УПК РФ; 4) уголовно-процессуальный закон настаивает на необходимости обеспечения подозреваемого, обвиняемого правом на защиту (ст. 16 УПК РФ); 5) статья 15 уголовно-процессуального закона закрепляет принцип состязательности сторон; 6) и, наконец, ст. 18 УПК РФ гарантирует каждому, не владеющему русским языком или языком республики в составе РФ, правом воспользоваться помощью переводчика.

На наш взгляд, простое закрепление в уголовно-процессуальном законе положений Европейской конвенции не показатель реального и надлежащего обеспечения прав и свобод граждан. В настоящее время, российский правоприменитель не может ограничиться названными в статье 6 Европейской конвенции гарантиями, так как речь идёт о появлении так называемых «тестовых дел», которые устанавливают свои правила проверки применения государственными судами национального права. Обратимся к тем из правовых позиций Европейского Суда, которые, как нам кажется, ставят наиболее серьёзные вызовы перед российской уголовно-процессуальной наукой и правоприменительной практикой, обнаруживают наиболее явные проблемы в российской правоприменительной практике, «вскрывают» существенные нарушения прав личности в уголовном процессе.

Так Европейский Суд рассматривает принцип состязательности сторон не как начало, прямо противоположное установлению объективной истины по уголовному делу, а как средство и способ установления истины в ходе уголовного судопроизводства. Согласно правовой позиции Европейского Суда, принцип состязательности означает, что «стороны в уголовном или гражданском процессе вправе знакомиться со всеми доказательствами или замечаниями, приобщёнными к делу, вправе комментировать их»¹. Состязательность, по мнению Европейского Суда, «предполагает также: право сторон представлять любые замечания и обязанность суда их рассмотреть»²; «разумную возможность эффективно оспаривать предположения и доводы противоположной стороны»³, в том числе путем обеспечения стороне возможности отыскивать и представлять в суд собственные доказательства.

Отметим, что Европейский Суд не видит опасности для состязательности в ситуации, когда «отдельные доказательства собираются по инициативе суда, он лишь считает, что с целью обеспечения состязательного уголовного процесса все доказательства обычно должны представляться в присутствии обвиняемого в открытом судебном заседании»⁴.

Таким образом, Европейский Суд рассматривает принцип состязательности как средство обеспечения реальной возможности спора между сторонами для установления истины по уголовному делу. Некоторыми учёными высказывается позиция, что в настоящее время понимание состязательности только как «разделения процессуальных функций (плюс равноправие сторон), вытекающее из формулировок

¹Постановление ЕСПЧ по делу «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии» от 20.02.1996 (жалоба № 58/1994), п.45 // СПС «КонсультантПлюс».

²Постановление ЕСПЧ по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12.02.2004 (жалоба № 47287/99), п.129 // СПС «КонсультантПлюс».

³Постановление ЕСПЧ по делу «Попов (Porov) против Российской Федерации» от 13.07.2006 (жалоба № 26853/04), п. 183 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴Постановление ЕСПЧ по делу «Зайцев (Zaytsev) против Российской Федерации» от 16.11.2006 (жалоба № 22644/02), п.189 // СПС «КонсультантПлюс».

действующего УПК РФ, начинает приносить существенный вред обеспечению справедливости судопроизводства, обеспечению действительной возможности стороны защиты возражать против обвинения, не гарантирует от злоупотреблений дискреционными полномочиями со стороны следователя, прокурора и суда»¹.

Анализ постановлений Европейского Суда говорит о том, что существуют серьезные методологические и практические проблемы в отечественной теории доказывания. Можно выделить два сложившихся подхода понимания недопустимости доказательств. Первый подход - «безусловно» и «условно» недопустимые доказательства. В частности, Европейский Суд выделяет: 1) «однозначно (безусловно) недопустимые доказательства. К ним можно отнести: а) доказательства, полученные в результате применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения (так как использование такого доказательства вызывает, по мнению Европейского Суда, серьезные вопросы относительно справедливости судебного разбирательства, даже если принятие такого доказательства не имело решающего значения при осуждении лица)»²; б) признательные показания, полученные в ходе допроса в полиции без доступа к защитнику. В соответствии с правовой позицией Европейского Суда, отраженной в Постановлении по делу «Шамардаков против России» (жалоба № 13810/04), право на защиту безвозвратно утрачивается, когда признательные показания, сделанные во время допросов в полиции без доступа к защитнику, используются для признания лица виновным. При этом, напомним, «Европейский Суд понимает под «показаниями» любые «документы» и протоколы любых следственных действий, содержанием

¹Трубникова, Т.В. Проблемы доказывания в справедливом судебном разбирательстве и их отражение в правовых позициях ЕСПЧ: вызовы для российской науки уголовного процесса и правоприменительной практики // Уголовная юстиция. - 2016. - № 1 (7). - С. 139.

²Постановление ЕСПЧ по делу «Шамардаков (Shamardakov) против Российской Федерации» от 30.04.2015 (жалоба № 13810/04), п. 186 // СПС «КонсультантПлюс».

которых является запись показаний конкретного лица, в том числе объяснения и явку с повинной»¹.

Более того, Европейский Суд считает возможным в определённых случаях сделать вывод об отсутствии юридической помощи при допросе и в том случае, когда не проводилось собственно следственных или иных процессуальных действий, отсутствует письменная фиксация показаний лица. Например, по делу «Павленко против России» Европейский Суд счёл, «имеются серьёзные основания полагать, что заявитель несколько раз допрашивался без эффективной юридической помощи. В частности, он указал в своём Постановлении по этому делу, что отсутствуют данные о том, что заявитель действительно отказался от своего права на помощь защитника для целей так называемых «бесед» с сотрудниками правоохранительных органов»². Европейский Суд не имел средств удостовериться в том, что «беседы» не затрагивали преступления, в которых «заявитель впоследствии сознался. По сути, государство-ответчик не пыталось разъяснить природу этих «бесед», чтобы устранить сомнения в их ненадлежащем характере»³.

2) Недопустимые доказательства, создающие «сильную» презумпцию несправедливости судебного разбирательства. К ним Европейский Суд относит, в частности, показания, полученные от обвиняемого, вопреки его праву на свободу от самоговора, признания «сделанные под давлением». Суд, рассматривающий такие доказательства, вправе их исключить и должен принимать соответствующее решение, взвесив все интересы участников»⁴.

Кроме того, Европейский Суд уточнил свою правовую позицию относительно возможности использования показаний так называемого «отсутствующего свидетеля». В Постановлении Большой Палаты по делу

¹Постановление ЕСПЧ от 13.07.2010 по делу «Лопата (Lopata) против России» (жалоба № 72250/01), п.165 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление ЕСПЧ от 01.04.2010 по делу «Павленко (Pavlenko) против Российской Федерации» (жалоба № 42371/02).

³Постановление ЕСПЧ по жалобе «Павленко (Pavlenko) против Российской Федерации» от 01.04.2010 (жалоба № 42371/02) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴Постановление ЕСПЧ по жалобе «Гефген против Германии» от 30.06.2008 (жалоба № 22978/05) // Бюллетень ЕСПЧ. - 2008. - № 11. - С. 15–17.

«Schatschaschwili против Германии» от 15.12.2015 г. отмечается, что «при решении вопроса о допустимости таких показаний необходимо учитывать предоставление стороне защиты дополнительных возможностей поставить под сомнение доверие к отсутствующим свидетелям, например, путём исследования в суде мотивов, которые свидетель мог иметь для лжи»¹.

Таким образом, принимая во внимание позицию Европейского Суда, представляется затруднительным однозначно оценить последние изменения, внесенные в уголовно-процессуальный закон, касающиеся возможности исследования в суде показаний отсутствующего свидетеля. На первый взгляд, позитивные изменения, включённые в ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ, в соответствии с которыми решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъёмки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом, при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по уголовному делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами, можно рассматривать как указание на необходимость создания уравнивающих факторов, на необходимость которых указывает Европейский Суд. Однако в то же время данная формулировка отличается некой неопределённостью, ведь ни законодатель, ни правоприменительная практика не установили в настоящее время способы и приёмы, с помощью которых обвиняемый на досудебных стадиях может оспорить показания свидетеля.

Неоднозначно можно оценить и изменения, внесённые в ст. 191 УПК РФ. Казалось бы необходимо правило, согласно которому в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля обязательно применение видеозаписи или киносъёмки, потому как потенциально оно создаёт больше гарантий и возможностей для

¹Постановление ЕСПЧ по жалобе от 15 декабря 2015 г. Дело «Шатшашвили (Schatschaschwili) против Германии» (жалоба N 9154/10) // СПС «Гарант».

последующей проверки достоверности таких показаний. Однако нам видится пространной и содержащей возможности для злоупотребления правом оговорка, согласно которой видеозапись не производится, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает. Учитывая ч. 6 ст. 281 УПК РФ устанавливающую, что оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, осуществляется в отсутствие несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля без проведения допроса. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд выносит мотивированное решение о необходимости допросить несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля повторно. В канве рассмотренных постановлений Европейского Суда оговорка о возможном ограничении права обвиняемого (подсудимого) непосредственно допрашивать показывающих против него свидетелей может привести к ухудшению его положения.

В нарушение положений ст. 6 Европейской конвенции, в её официальном толковании, данной ей Европейским Судом по правам человека, указанная норма УПК РФ устанавливает оглашение показаний в качестве общего правила, а допрос свидетеля – в качестве исключения из него, которое необходимо обосновывать. Таким образом, на суд законодателем не возлагается обязанность проверить в определённой ситуации, имеется ли наличие уважительных причин для ограничения права обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей. Важно сказать, что указанная норма распространяется вообще на все случаи допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, а не только на оглашение показаний несовершеннолетних – потерпевших от преступлений сексуального характера, расширяя, тем самым, возможные уважительные случаи для ограничения рассматриваемого права обвиняемого (подсудимого).

Согласно положениям Европейской конвенции, судебное решение объявляется публично. Однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон. Кроме этого, судебное разбирательство проводится закрытым, когда, по мнению суда, это строго необходимо - при особых обстоятельствах, при которых гласность нарушала бы интересы правосудия.

Нет сомнений, что так называемый «публичный» характер слушаний защищает стороны от отправления правосудия без контроля со стороны общественности. Кроме того, гласность - это одно из средств поддержания доверия к суду. Путём придания открытости уголовному процессу гласность способствует достижению справедливого судебного производства (Саттер против Швейцарии (*Sutter v. Switzerland*), пункт 26; Рипан против Австрии (*Riepan v. Austria*), пункт 27; Крестовский против России (*Krestovskiyy v. Russia*), пункт 24). Содержание указанных разъяснений нашло отражение в изменениях¹, внесённых в УПК РФ, согласно которым урегулирован порядок трансляции судебных заседаний по уголовным делам по радио, телевидению и в Интернете. Указанные действия допускаются с разрешения председательствующего в заседании.

Согласно части 2 статьи 6 Европейской конвенции каждый обвиняемый уголовном преступлении считается невиновным, пока виновность его не будет доказана в соответствии с законом. Презумпция невиновности в её истолковании Европейским Судом совпадает с содержанием ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ. Она включает в себя право не свидетельствовать против себя самого и право обвиняемого на

¹Федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета от 31 марта 2017г. №7234 (68).

молчание. Несмотря на то, что в ст. 6 Европейской конвенции указанные права не выделены, Европейский Суд в деле «Саундерс против Соединенного Королевства» заявил: «право на молчание и право не оговаривать себя, хотя они в ст. 6 Европейской конвенции специально не упомянуты, являются общепризнанными международными нормами, которые лежат в основе понятия справедливой процедуры».

Право обвиняемого на защиту включает в себя «комплекс прав, которые предоставляют ему достаточные возможности оспорить выдвинутые против него обвинения и отстоять свою позицию по делу»¹. Право не свидетельствовать против себя предполагает, что сторона обвинения в уголовном деле стремится доказать свою версию по делу против обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным посредством принуждения или применения силы против воли обвиняемого (Быков против России (Bykov), пункт 92). Часть 2 статьи 6 запрещает заявления государственных должностных лиц о незавершенных расследованиях уголовных дел, которые содействуют мнению общественности о вине обвиняемого и предрешают оценку фактов компетентным судебным органом (Исмоилов и другие против России (Ismoilov and Others v. Russia), пункт 161; Буткевичиус против Литвы (Butkevicius v. Lithuania), пункт 53).

Принцип презумпции невиновности является одним из аспектов справедливого судебного разбирательства по уголовному делу. Поэтому «в судебном акте не должны использоваться формулировки, из содержания которых следовало бы, что то или иное лицо совершило преступление, тогда как в отношении указанного лица отсутствует вступивший в законную силу

¹Макарова, О.В. Международные стандарты отправления правосудия в уголовно-процессуальном законодательстве России // Журнал российского права. - 2012. - № 11. - С. 94.

обвинительный приговор или постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию»¹.

При определении того, являлось ли судопроизводство в целом справедливым, необходимо рассмотреть, было ли соблюдено право на защиту. Подозреваемый, обвиняемый может отказаться как от права на правовую помощь, так и от других прав в отношении справедливого судебного разбирательства (Пищальников против России (Pishchalnikov v. Russia), пункт 77). Тем не менее, прежде чем можно будет заявить, что обвиняемый своими действиями отказался от важного права, оговоренного статьей 6, должно быть доказано, что он был способен в разумных пределах предвидеть последствия своих действий. Необходимы дополнительные средства защиты в случае, когда обвиняемый просит предоставить ему адвоката, так как если у обвиняемого нет адвоката, у него меньше шансов на получение информации о его правах, и следовательно, меньше шансов на их соблюдение (Пищальников против России (Pishchalnikov v. Russia), пункт 78).

Отказ от защитника в уголовном судопроизводстве подлежит оформлению исключительно в письменном виде, при этом указанное заявление должно содержать сведения о причине отказа. В соответствии с судебной практикой Челябинского областного суда за 2015 год, «постановлением Калининского районного суда г. Челябинска от 18 декабря 2014 года в отношении М. частично удовлетворено ходатайство о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ. Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 19 февраля 2015 года постановление суда первой инстанции отменено, а материалы

¹Постановление ЕСПЧ по жалобе от 23.02.2016 «Навальный и Офицеров (Navalnyy and Ofitserov) против Российской Федерации» (жалобы N 46632/13 и 28671/14) // СПС «КонсультантПлюс».

судебного производства направлены на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В обоснование принятого решения судебная коллегия указала, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. В случае отказа осужденного от адвоката, суду в любом случае необходимо выяснить причину отказа от адвоката и установить, не был ли такой отказ вынужденным, обусловленным соображениями материального порядка. При этом отказ от защитника должен быть исключительно в письменном виде.

Из материалов судебного производства следовало, что осуждённому М. было разъяснено право иметь защитника по назначению суда при рассмотрении его ходатайства о пересмотре приговора, о чем у него была отобрана расписка. Вместе с тем, из указанной расписки не следовало, что М. именно в письменном виде отказался от услуг защитника, как этого требует уголовно-процессуальный закон. Из протокола судебного заседания видно, что осужденный М. участие в рассмотрении его ходатайства судом первой инстанции не принимал, то есть осужденный не подтвердил свой отказ от защитника. Суд первой инстанции не учел данные обстоятельства и фактически не решил вопрос о необходимости обеспечения осужденного услугами защитника»¹. На наш взгляд, указанные обстоятельства говорят о нарушении права осужденного на защиту.

В Постановлении Европейского Суда по жалобе «Чукаев против Российской Федерации». Заявитель утверждал, в частности, что «после задержания ему не был предоставлен адвокат, было вынесено постановление об уплате им судебных издержек, и он не имел возможности допросить свидетелей, дающих показания против него. Европейский суд повторил, что,

¹Обобщение судебной практики Челябинского областного суда за первый квартал 2015 года. Утверждено постановлением президиума Челябинского областного суда от 20 мая 2015 года. - Апелляционное постановление № 10-437/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

«...не являясь абсолютным, предусмотренное подпунктом (с) пункта 3 статьи 6 право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления на эффективную защиту посредством помощи адвоката, назначенного властями, если это необходимо, является одной из основ справедливого судебного разбирательства... В каждом случае вопрос состоит в том, приводило ли ограничение права на помощь адвоката, с учетом всех судебных разбирательств, к лишению обвиняемого права на справедливое слушание дела»¹.

Европейский Суд в этом деле обратил внимание на «...важность этапа расследования с точки зрения подготовки уголовного производства, так как доказательства, полученные на этом этапе, определяют рамки, в которых дело будет рассматриваться судом. В то же время, на данном этапе производства обвиняемый часто находится в особенно уязвимом положении, что усугубляется тем фактом, что уголовно-процессуальное законодательство становится все более сложным, особенно в отношении правил сбора и использования доказательств. В большинстве случаев эта определенная уязвимость может быть должным образом компенсирована только участием адвоката, чьей задачей является, среди прочего, обеспечение соблюдения права обвиняемого не свидетельствовать против себя самого. Это право фактически предполагает, что сторона обвинения стремится доказать свою версию по уголовному делу против обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным путем подавления и принуждения вопреки воли обвиняемого» (п. 97 постановления).

Поэтому, продолжает Европейский суд, «...для того чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось достаточно «практическим и эффективным», пункт 1 статьи 6, как правило, требует предоставления адвоката уже на первом допросе полицией, если в свете

¹Постановление ЕСПЧ по жалобе «Чукаев против России» № 36814/06, п.95 (вынесено 5 ноября 2015 г., вступило в силу 5 февраля 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

определенных обстоятельств нет неопровержимых доводов в пользу ограничения этого права. И даже если особые обстоятельства могут позволить обоснованно отказать в доступе к услугам адвоката, подобные ограничения - независимо от причин - не могут незаконно ущемлять права обвиняемого, гарантируемые статьей 6 Европейской конвенции. В случаях, когда инкриминирующие заявления, сделанные в ходе допроса без присутствия адвоката, используются для признания подсудимого виновным, правам подсудимого на защиту по существу наносится непоправимый ущерб» (п. 98 постановления).

Говоря о праве обвиняемых на защиту, нужно упомянуть Постановление Европейского суда по жалобе «Александр Валерьевич Казаков против России» (вступило в силу 20 апреля 2015 г.). Заявитель жаловался, со ссылкой на статью 6 Европейской конвенции, что «суд первой инстанции не обеспечил присутствие свидетеля стороны обвинения и свидетелей стороны защиты. Европейский Суд установил, что «...суд первой инстанции направил судебное извещение по известному адресу (свидетеля обвинения). Однако когда свидетель не явился в суд - после телефонного звонка, сделанного предположительно его женой, сообщившей суду, что он уехал в служебную командировку - суд не предпринял дополнительных мер по выяснению обстоятельств отсутствия свидетеля, обошелся без повторного вызова его в суд и приступил к оглашению его показаний» (пункт 32 постановления).

Европейский Суд отметил, что он «...не считает, что задержка в судопроизводстве с целью получения показаний свидетеля - тем более для прояснения вопроса его появления на суде, где заявитель был обвинен в серьезном преступлении и ему грозил большой срок тюремного заключения - явилась непреодолимым препятствием для своевременности проводимого разбирательства» (пункт 33 постановления). Европейский суд подчеркнул, что «... к оценке показаний других обвиняемых должна применяться более высокая степень контроля, поскольку положение, в котором находятся сообщники во время дачи показаний, отличается от показаний обычных

свидетелей. Они не дают свои показания под присягой, то есть не заявляют об истинности своих заявлений, что в ином случае могло бы подвергнуть их наказанию за умышленную дачу ложных показаний» (пункт 35 постановления). Суд установил, что «...показания, которые были даны (свидетелем обвинения) во время предварительного следствия и зачитанные городским судом, являлись если не единственным, то, по крайней мере, решающим доказательством против заявителя. Они, совершенно очевидно, являлись весомым доказательством и без них шансы стороны обвинения значительно бы уменьшились» (пункт 35 постановления)¹.

Учитывая тот факт, что «органы власти не приложили надлежащих усилий для обеспечения присутствия (свидетеля обвинения) на суде, что заявителю не была предоставлена возможность допросить свидетеля, чьи показания имели решающее значение для установления того, был ли виновен заявитель в преступлении, в котором он был позже признан виновным, и что органы власти не смогли компенсировать трудности, которые испытала сторона защиты ввиду принятия показаний (свидетеля обвинения) в качестве доказательства», Европейский суд посчитал, что имело место нарушение пунктов 1 и 3 (г) статьи 6 Конвенции (пункт 37 постановления).

Что касается жалоб заявителя на то, что национальные суды отказали ему в допросе свидетелей защиты в суде, Европейский Суд отметил, что «...справедливость уголовного производства в отношении заявителя была подорвана ограничениями, наложенными на права стороны защиты ввиду отсутствия возможности встретиться со свидетелем стороны обвинения... Таким образом (нет необходимости) отдельно рассматривать, была ли справедливость судопроизводства также нарушена невозможностью заявителя допросить свидетелей стороны защиты» (пункт 38 постановления).

¹Постановление ЕСПЧ по жалобе «Александр Валерьевич Казаков против России» № 16412/06 (вынесено 4 декабря 2014 г., вступило в силу 20 апреля 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме этого, анализ надзорной и следственной практики показывает, что нарушения требований законодательства Российской Федерации об осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок по-прежнему носят распространенный характер. Важно отметить принятие Указания об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В п.1.3. определяется, что «в порядке и в сроки, установленные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, необходимо проверять исполнение органами предварительного расследования законов при принятии решений, влияющих на длительность уголовного судопроизводства»¹.

Европейский суд вынес большое количество решений против Российской Федерации именно в связи с волокитой российских следователей и судов, связанных с нарушением разумных сроков рассмотрения дел². Выводы, изложенные в соответствующих решениях, нашли отражение в национальном уголовно - процессуальном законодательстве. Федеральный закон Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» ввел в УПК РФ новую статью 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства».

¹Указание Генеральной Прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, МВД России, МЧС России, Федеральной службы судебных приставов, ФСБ России, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной таможенной службы от 3 июня 2015 г. № 275/36/1/206/2/5443/195/1-у/21/4/1081 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «Гарант».

²Пилотное Постановление Европейского Суда от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации (№ 2)», жалоба № 33509/04 // СПС «КонсультантПлюс».

Касаясь национального уголовно -процессуального законодательства, следует отметить, что «разумный срок» - базовый термин, применяемый к длительности судопроизводства или исполнения судебных актов. Содержание рассматриваемого принципа заключается в том, что сроки производства по уголовному делу не могут быть неопределенными, точно не установленным и произвольными, что в итоге негативно повлияет как на право обвиняемого в совершении преступления на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), так и право потерпевшего на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ). В статье 6.1 УПК РФ прописаны критерии, основываясь на которых можно судить о разумном сроке. Изучение содержания данных обстоятельств важно в правоприменительной деятельности, поскольку зачастую они носят субъективный, оценочный характер. Рассмотрим некоторые из них. Под правовой и фактической сложностью уголовного дела понимают большое количество эпизодов преступления, обвиняемых по уголовному делу, необходимость проведения большого количества ревизий или назначения сложных судебных экспертиз, а также необходимость проведения следственных действий в различных субъектах РФ. Встречаются примеры, когда названные критерии не обосновали сроки уголовного судопроизводства. Так, решением Верховного Суда РФ установлено, что уголовное дело отличалось сложностью, большим объемом (52 тома). Вместе с тем правовая и фактическая сложность дела сами по себе не смогли оправдать общую продолжительность уголовного судопроизводства, которая составила 11 лет и 5 месяцев. Верховный Суд указал, возвращение судом дела прокурору на дополнительное расследование и для устранения допущенных нарушений в течение 7 лет, а также отсутствие каких-либо процессуальных действий судом с июня по декабрь 2006 г. не свидетельствует о достаточности и эффективности действий суда, прокуратуры, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования.

Согласно правовой позиции Европейского суда, хотя важно проводить судебные разбирательства в разумный срок, это не должно быть сделано за счет процессуальных прав одной из сторон (ОАО Нефтяная компания Юкос против России (ОАО Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia), пункт 540).

Стороне защиты должно быть предоставлено дополнительное время после возникновения определенных обстоятельств в ходе судебного разбирательства для корректировки позиции, подготовки ходатайства, обжалования и т.д. (Миминошвили против России (Miminoshvili v. Russia), пункт 141). Такие «обстоятельства» могут включать изменение обвинения (Пелиссье и Сасси против Франции (Pelissier and Sassi v. France), пункт 62), появление новых доказательств (Г.Б. против Франции (G.B. v. France), пункты 60–62) или изменение мнения эксперта в ходе судебного разбирательства (там же, пункты 69–70). «Средства», которыми должен располагать любой обвиняемый в совершении преступления, подразумевают возможность в целях подготовки к защите ознакомиться с результатами проведенного расследования (Хусейн и другие против Азербайджана (Huseyn and Others v. Azerbaijan), пункт 175; ОАО Нефтяная компания Юкос против России (ОАО Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia), пункт 538).

Значение «разумного срока» состоит в установлении предела состоянию неопределенности, в котором находится то или иное лицо по причине предъявленного ему уголовного обвинения, что является важным как для самого заинтересованного лица, так и с точки зрения, понятия «юридической определенности».

Другим важнейшим критерием справедливого судебного разбирательства является независимость и беспристрастность суда, созданным на основании закона. Назовем случай, когда Европейский суд постановил, что рассматриваемый орган власти не являлся «судом, созданным на основании закона»: суд, состоявший из двух судей-непрофессионалов, выбранных для участия в заседании по конкретному делу в нарушение требования закона о проведении жеребьевки и максимального

срока работы в должности не более двух недель в год (Посохов против России (*Posokhov v. Russia*), пункт 43).

Независимость судей требует, чтобы конкретные судьи были свободны от ненадлежащего влияния как извне судебной системы, так и изнутри. Внутренняя независимость судебной власти требует, чтобы судьи были свободны от указаний или давления со стороны своих других судей или лиц, исполняющих административные обязанности в суде, например председателя суда или председателя коллегии. Отсутствие достаточных гарантий, обеспечивающих независимость судей внутри судебной системы, и, в частности, от судебного руководства, может привести к выводу Европейского суда об объективной обоснованности сомнений заявителя в независимости и беспристрастности суда (Парлов-Ткалчич против Хорватии (*Parlov-Tkalcic v. Croatia*), пункт 86; Дактарас против Литвы (*Daktaras v. Lithuania*), пункт 36; Моисеев против России (*Moiseyev v. Russia*), пункт 184).

Согласно ч. 1 ст. 63 УПК РФ судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, не может участвовать в рассмотрении данного уголовного дела в суде второй инстанции или в порядке надзора, а равно участвовать в новом рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции в случае отмены вынесенного с его участием приговора. В силу общепризнанных принципов справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела (поскольку оно было связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу) является недопустимым вне зависимости от того, было или не было отменено вышестоящим судом ранее принятое с участием этого судьи решение.

В противном случае, высказанная судьей в процессуальном решении позиция о наличии или отсутствии события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств ограничивала бы его свободу и независимость при

дальнейшем производстве по делу и, таким образом, могла бы поставить под сомнение объективность и беспристрастность судьи.

В свою очередь Европейский суд отмечает, сам по себе факт, что судья принимал решения по аналогичным, но не связанным уголовным обвинениям, или что он судил одного из обвиняемых в ходе отдельного судопроизводства, недостаточен для того, чтобы сомневаться в беспристрастности такого судьи при рассмотрении последующего дела (Крайгиш против Германии (реш.) (Kriegisch v. Germany (dec.)); Ходорковский и Лебедев против России (Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia), пункт 544).

Таким образом, справедливость, по мнению Европейского суда, «должна обеспечиваться прежде всего процессуально как равная возможность для каждого воспользоваться минимальным набором прав, установленных статьей 6 Европейской конвенции»¹. Вышеизложенное свидетельствует, что практика Европейского суда в настоящее время имеет большое значение для совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства и корректирует деятельность российских судов с целью правильного понимания положений Европейской конвенции, а как результат - соблюдение прав человека, как высшей ценности, провозглашаемой правовым государством.

2.3 Европейские стандарты о праве на свободу и личную неприкосновенность в российском уголовном процессе

Механизмы предварительного расследования по уголовному делу уже невозможно представить без мер процессуального принуждения, предусмотренных разделом IV УПК РФ. Вопросы теории, нормативного регулирования и практики применения мер уголовно-процессуального

¹Постановление ЕСПЧ по жалобе «Евдокимов и другие (Yevdokimov and Others) против Российской Федерации» от 16.02.2016 (№ жалобы 27236/05) // СПС «КонсультантПлюс».

принуждения в последнее время получили новый импульс для своего развития в связи с признанием Российской Федерацией приоритета прав и свобод личности, ратификацией международно-правовых документов в этой области.

Европейский суд по правам человека опубликовал ежегодный отчет¹, из которого следует, что в 2016 году им было рассмотрено 228 жалоб, поданных против Российской Федерации, еще 7,8 тысячи заявлений ожидают своей очереди. По данным Европейского суда, с начала 2016 года количество дел, ожидающих рассмотрения, выросло на 23%. Это означает, что число заявлений ежемесячно увеличивалось в среднем на 1,250.

Подводя итоги 2016 года, Европейский суд отметил, что среди статей Европейской конвенции, на нарушение которых жаловались заявители, превалировали право на справедливое судебное разбирательство (22,9%), право на свободу и личную неприкосновенность (20,4%) и запрещение пыток (19,7%), реже всего нарушалось право на жизнь (5,63%).

Проанализировав указанную статистическую информацию, полагаем, что обеспечение права на свободу и личную неприкосновенность является одной из уязвимых сфер российского законодательства. Таким образом, в современных условиях особую актуальность представляют вопросы, связанные с правовыми основами задержания подозреваемого и заключение под стражу, восходящими к нормам международного права и детализированными в положениях российского законодательства.

В соответствии со статьёй 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение. Каждый задержанный или заключённый под стражу

¹[http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2016_ENG.pdf] // дата обращения 29.04.2017г.

незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделённому, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений Европейской конвенции, имеет право на компенсацию. Кроме этого, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, являясь основным законодательным актом, регламентирующим порядок расследования и судебного разбирательства уголовных дел, определяет принципиальное положение о неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве (ст. 10 УПК РФ) - никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключён под стражу при отсутствии на то законных оснований. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

В связи с этим необходимо обратить внимание на позиции Европейского суда, который исходит из того, что возможность законного посягательства на свободу и личную неприкосновенность человека должна предполагать соразмерность ограничения этого права, выраженную в балансе между общественными интересами, требующими предварительного заключения под стражу, и важностью права на свободу личности – с учётом презумпции невиновности.

Кроме того, Европейский суд выражает интересные правовые позиции в толковании ст. 5 Европейской конвенции относительно понятия «лишение физической свободы». В ряде его постановлений отмечается, что «такое лишение может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению. В связи с этим предлагается оценивать лишение физической свободы не по формальным, а по

сущностным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неопределённым кругом лиц»¹. Вообще, по мнению Европейского Суда, ограничение свободы и лишение свободы отличаются друг от друга лишь степенью или интенсивностью, а не природой или сущностью. При этом ст. 5 Европейской конвенции, провозглашая право на свободу и личную неприкосновенность, говорит именно о свободе физической; «ее цель – гарантировать, чтобы никто не мог быть произвольно лишен свободы по смыслу данной статьи»². Европейский суд исходит из того, что «лишение свободы не обязательно является нарушением п. 1 ст. 5 Европейской конвенции, но перечень исключений из права на свободу является исчерпывающим и только узкое толкование этих исключений соответствует цели данного положения, а именно обеспечению того, чтобы никто не был лишён свободы произвольно»³.

В подтверждение вышеуказанного вывода рассмотрим постановление по делу «Крупко и другие против России» (2014 г.). Согласно материалам дела «заявители – свидетели Иеговы, организовавшие богослужение в одном из образовательных учреждений г. Москвы в 2006 г., были доставлены в правоохранительные органы для осуществления проверочных мероприятий. Среди доводов сторон – утверждение Правительства РФ о том, что заявители были приглашены в орган внутренних дел, не были ограничены в передвижении по зданию и не были лишены возможности позвонить по

¹Постановления ЕСПЧ: от 6 ноября 1980 г. по делу «Гуццарди против Италии» (жалоба № 7367/76) ; от 28 октября 1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88) ; от 24 ноября 1994 г. по делу «Кеммаш против Франции» (жалобы № 12325/86, № 14992/89) // СПС «КонсультантПлюс».

²Постановление ЕСПЧ от 25 июля 1996 г. по делу «Амюур против Франции» (жалоба № 12598/94) // СПС «КонсультантПлюс».

³Постановления ЕСПЧ: от 25 сентября 2003 г. по делу «Василева против Дании» (жалоба № 52792/99); от 9 марта 2006 г. по делу «Менешева против Российской Федерации» (жалоба № 59261/00); по делу «Шимоволос против Российской Федерации» (жалоба № 30194/09); по делу «Александра Дмитриева против Российской Федерации» (жалоба № 9390/05) // СПС «КонсультантПлюс».

телефону. В противовес заявители указали, что термин «приглашение» должен означать свободу выбора – принимать его или отказаться, который им не был дан. Европейский суд установил элемент принуждения, который, несмотря на кратковременность его применения, свидетельствует о наличии лишения свободы по смыслу ст. 5 Европейской конвенции. То есть ограничение или лишение права на личную свободу и неприкосновенность проявляется объективно (внешние условия, способ, степень и продолжительность воздействия) и субъективно (против воли лица либо без возможности выбора), а принуждение является неотъемлемой его составляющей»¹.

Исследуя вопрос законности содержания под стражей, Европейский суд может прийти к выводу о нарушении п. 1 ст. 5 Европейской конвенции в связи с отсутствием обоснования либо недостаточной обоснованностью решений судебных органов, санкционирующих заключение под стражу. По делу «Шапошников против Российской Федерации» Европейский суд выявил «несоответствие решения национального суда о содержании лица под стражей целям п. 1 ст. 5 Европейской конвенции и отметил: в своем решении от 30 декабря 2004 г. суд не представил никаких доводов в обоснование того, что заявитель должен оставаться под стражей»².

В соответствии с официальной статистикой ФСИН РФ³ на 2016 год в следственных изоляторах находилось 1468 лиц с нарушением сроков, установленных УПК РФ. В Обзоре практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей отмечается, что в отдельных

¹Постановление ЕСПЧ от 26.06.2014 «Дело «Крупко и другие (Krupko and Others) против Российской Федерации»» (жалоба № 26587/07) // СПС «КонсультантПлюс».

²Постановление ЕСПЧ от 29.07.2010 г. «Дело «Шапошников (Shaposhnikov) против Российской Федерации»» (жалоба № 8998/05) // СПС «КонсультантПлюс».

³[<http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika>] // дата обращения: 02.05.2017г.

случаях суды ошибочно удовлетворяли ходатайства при наличии обстоятельств, исключающих заключение под стражу¹.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Хакасия от 24 июня 2015 г. отменено постановление Абаканского городского суда от 12 июня 2015 г. о продлении до 2 месяцев 24 дней срока содержания под стражей Ю., обвиняемого в совершении 6 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158 УК РФ, в удовлетворении ходатайства следователя отказано.

Принимая такое решение, суд апелляционной инстанции руководствовался положениями ч. 1 ст. 108 УПК РФ о недопустимости применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, при отсутствии обстоятельств, указанных в пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, которых по данному делу не имеется (на момент избрания меры пресечения в виде заключения под стражу Ю. инкриминировалось также тяжкое преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Отметим, что согласно правовым позициям Европейского Суда «сохранение лица под стражей в рамках избранной меры пресечения должно быть основано «на конкретных фактах» и устанавливать точный срок, поскольку положения статьи 5 Европейской конвенции и вытекающий из нее принцип «защиты от произвола» предполагают заключение под стражу как исключительное отступление от права на свободу, допустимое только в строго определённых случаях»². Вместе с тем, Европейский Суд может и не усмотреть нарушение статьи 5 Европейской конвенции, если национальные

¹Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей» утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017г. – Раздел 2. Продление срока содержания по стражей (п. 2.1) // СПС «КонсультантПлюс».

²Постановление ЕСПЧ от 24.05.2007г. «Дело «Владимир Соловьев (Vladimir Solovyev) против Российской Федерации»» (жалоба № 2708/02) // СПС «КонсультантПлюс».

суды привели конкретные основания и установили точный срок содержания лица под стражей: «...содержание заявителя под стражей на основании постановления от 23 ноября 2000 г. нельзя назвать произвольным, поскольку Московский городской суд привел определенные основания для продления срока содержания заявителя под стражей»¹.

При рассмотрении национальными судами вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу крайне важной гарантией защиты от произвольного задержания, по мнению Европейского суда, является предъявление обоснованного подозрения. Не формулируя строгих требований относительно количества и качества данных, подтверждающих обоснованность подозрения, Европейский суд, тем не менее, ориентирует правоприменителя на предъявление «разумного» подозрения, предполагающего «наличие фактов либо информации, которые убедили бы объективного наблюдателя в том, что соответствующее лицо могло совершить преступление»². В. В. Смирнов считает, что «если в основу об избрании меры пресечения будут положены достоверные фактические данные о ненадлежащем поведении обвиняемого, а не субъективное мнение о его вероятном поведении, то и само решение будет достоверным»³.

При этом наличие или отсутствие обоснованного подозрения в каждом случае должно определяться с учетом конкретных обстоятельств. Применяя указанный критерий по делу «Пичугин против Российской Федерации», Европейский суд подчеркнул, что «факты, вызывающие подозрение, не должны обладать той же степенью убедительности, как те, которые необходимы для обоснования обвинительного приговора или даже для предъявления обвинения, которое является следующим этапом в процессе расследования уголовного дела. В анализируемом постановлении

¹Постановление ЕСПЧ от 24.05.2007г. «Дело «Пшевечерский (Pshevecherskiy) против Российской Федерации»» (жалоба № 28957/02) // СПС «КонсультантПлюс».

²Постановление ЕСПЧ от 19.05.2004г. «Дело «Гусинский (Gusinskiy) против Российской Федерации»» (жалоба № 70276/01) // СПС «КонсультантПлюс».

³Смирнов, В. В. Арест как мера пресечения, применяемая следователем ОВД. - Хабаровск, 1987. – С. 24.

Европейский суд напомнил свою практику относительно степени убедительности фактов и указал на *prima facie* – иной, более низкий стандарт доказывания «обоснованности подозрения», чем тот, который используется для предъявления обвинения или постановления обвинительного приговора»¹.

Анализ практики Европейского суда по делам, связанным с предполагаемым нарушением пункта 3 статьи 5 Европейской конвенции, показывает, что национальные суды не всегда мотивируют и обосновывают свои решения о необходимости избрания той или иной меры пресечения конкретными данными, а ограничиваются лишь перечислением оснований, указанных в статье 97 УПК РФ. В этой связи Европейский суд неоднократно указывал, что «доводы в пользу или против освобождения заявителя не могут быть «общими и абстрактными»»², также «судам не следует использовать в своих решениях «общие фразы и стереотипные формулировки»»³, в каждом случае решения национальных судов «должны содержать ссылки на конкретные факты и обстоятельства личного характера в отношении заявителя, обосновывающие его содержание под стражей»⁴.

С учетом того, что при разрешении вопроса о заключении под стражу суд не предрешает вопрос о виновности, а лишь констатирует достаточность или недостаточность оснований для заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу, в постановлении не должно содержаться формулировок, свидетельствующих о совершении подозреваемым, обвиняемым преступления. Несмотря на это, в отдельных постановлениях российских судей встречаются подобные формулировки, в частности: «органами предварительного следствия установлено, что лицо совершило

¹Постановление ЕСПЧ от 23.10.2012г. «Дело «Пичугин (Pichugin) против Российской Федерации»» (жалоба № 38623/03) // СПС «КонсультантПлюс».

²Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 г. «Дело «Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации»» (жалобы № 46133/99 и 48183/99) // СПС «КонсультантПлюс».

³Постановление ЕСПЧ от 01.06.2006 г. «Дело «Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации»» (жалоба № 7064/05) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴Постановление ЕСПЧ от 22.12.2008 г. «Дело «Алексамян (Aleksanyan) против Российской Федерации»» (жалоба № 46468/06) // СПС «КонсультантПлюс».

преступление»; «жестокость, с которой подозреваемый или обвиняемый совершил преступление»; «судимости, при наличии которых он совершил новое преступление»¹.

Практика судов апелляционной инстанции по устранению таких ошибок складывается по-разному: одни суды изменяют постановление и исключают из него указание на «совершение» подозреваемым, обвиняемым преступления, другие - отменяют постановление, что в большей степени соответствует принципу презумпции невиновности подозреваемого, обвиняемого, обеспечению его прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве.

«Апелляционным постановлением Брянского областного суда от 30 января 2015 г. отменено постановление Почепского районного суда от 20 января 2015 г. о заключении под стражу Б., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, так как суд сослался на характер и жестокость, с которой Б. «совершил» преступление. Рассмотрев ходатайство по существу, суд апелляционной инстанции принял новое решение об избрании в отношении Б. меры пресечения в виде заключения под стражу»².

Особенно актуальными в свете практики применения российскими судами меры пресечения в виде заключения под стражу являются выводы, сформулированные Европейским Судом в процессе рассмотрения жалоб заявителей на предполагаемые нарушения пункта 3 статьи 5 Европейской конвенции относительно указания национальными судами на существование возможности скрыться или риска побега. Европейский суд указал, что риск того, что обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного

¹Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей» утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017г. – Раздел 1. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (п.1.1) // СПС «КонсультантПлюс».

²Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей» утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017г. – Раздел 1. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (п.1.1) // СПС «КонсультантПлюс».

следствия или суда, не должен оцениваться только на основании суровости возможного наказания. Риск побега не может возникать только вследствие отсутствия постоянного местожительства или наличия заграничного паспорта. При анализе данного риска необходимо учитывать целый ряд релевантных факторов, таких как отсутствие прочных связей внутри страны, позволяющее предположить, что последствия и сложности бегства могут казаться лицу меньшим злом, чем длительное лишение свободы.

«Вывод о том, что подозреваемый, обвиняемый скроется от дознания или предварительного следствия, в связи с чем в отношении его необходимо избрать меру пресечения только в виде заключения под стражу, органы предварительного расследования чаще всего обосновывают отсутствием у лица регистрации в том регионе, где оно проживает или совершило преступление, отсутствием работы, разъездным или вахтовым ее характером, отсутствием семьи и иждивенцев, наличием судимости, возможностью воспользоваться имеющимся заграничным паспортом. В некоторых случаях ходатайства о заключении под стражу обосновывались органами предварительного расследования тем, что лицо не имеет постоянного места жительства на территории конкретного муниципального образования или субъекта Российской Федерации, где было совершено преступление. Между тем п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ допускает применение данной меры пресечения при отсутствии постоянного места жительства в пределах всей территории Российской Федерации»¹.

Подобные ошибки допускали и сами суды, в связи с чем такие постановления отменялись в апелляционном порядке. Так, апелляционным постановлением Амурского областного суда от 18 июня 2015 г. отменено постановление Свободненского городского суда от 8 июня 2015 г. о заключении под стражу К., подозреваемого в совершении преступления,

¹Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей» утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017г. – Раздел 1. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (п.1.5) // СПС «КонсультантПлюс».

предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, и в удовлетворении ходатайства следователя отказано, так как ни одно из обстоятельств, которыми обосновано постановление, не предусмотрено пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Постановление судьи первой инстанции было мотивировано, в частности, тем, что подозреваемый К. не имеет постоянного места жительства и регистрации на территории Амурской области, является жителем г. Омска, может скрыться от предварительного следствия.

Кроме этого, Европейский Суд находит особенно нелепым, что «после того как в открытом судебном заседании были заслушаны показания всех свидетелей обвинения, национальные суды продолжали ссылаться на угрозу сговора как на основание содержания заявителя под стражей, учитывая абстрактную возможность того, что судебное следствие будет дополнено»¹.

При рассмотрении жалоб заявителей на предполагаемое нарушение статьи 5 Европейской конвенции Европейский Суд применяет общие принципы, выработанные его практикой толкования, а также учитывает целый ряд критериев с целью определения конкретных условий и обстоятельств, касающихся тех или иных видов ограничений. В делах, затрагивающих лишение свободы, на наш взгляд, особенно важно соблюдение общего принципа правовой определенности.

Положения пункта 4 статьи 5 Европейской конвенции в толковании Европейского Суда предусматривают право лица на безотлагательное рассмотрение судом вопроса о правомерности его заключения под стражу и на незамедлительное освобождение, если заключение под стражу признано судом незаконным и необоснованным. В связи с этим судам после поступления жалобы и (или) представления на постановление об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу (о продлении срока содержания под стражей) необходимо незамедлительно направлять соответствующие материалы для апелляционного рассмотрения. Судам

¹Постановление ЕСПЧ от 29.04.2010 г. «Дело «Юрий Яковлев (Yuriy Yakovlev) против Российской Федерации»» (жалоба № 5453/08) // СПС «КонсультантПлюс».

апелляционной инстанции «надлежит рассматривать указанные жалобу и (или) представление не позднее срока, определенного в части 11 статьи 108 УПК РФ»¹.

Важно отметить, что при разрешении вопроса об избрании меры пресечения национальные суды с учетом конкретных обстоятельств должны рассматривать альтернативные меры, прямо предусмотренные российским законодательством, которые могут обеспечить явку лица в суд. «Являясь мерой уголовно-процессуального принуждения, задержание подозреваемого и заключение под стражу затрагивают одну из важнейших правовых ценностей – право на свободу и личную неприкосновенность. Поэтому их применение требует от государственных органов и должностных лиц строжайшего соблюдения законности. В своих постановлениях суды обязаны мотивировать, почему альтернативные лишению свободы меры пресечения не обеспечили бы надлежащее производство по уголовному делу»².

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета от 5 июля 2013 г. 145.

²Постановление ЕСПЧ от 22.05.2012 г. «Дело «Идалов (Idalov) против Российской Федерации»» (жалоба № 5826/03) // «КонсультантПлюс».

ГЛАВА III ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Конституция РФ предоставляет каждому судебную защиту его прав и свобод, устанавливает, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба. В соответствии с Концепцией федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы¹» одним из основных направлений дальнейшего развития судебной системы является обеспечение доступности правосудия.

Федеральная целевая программа предусматривает принятие мер и создание условий для обеспечения открытости, прозрачности и доступности правосудия, повышения эффективности работы судебной системы, улучшения качества судебных актов, а также повышения уровня исполнения судебных и иных исполнительных документов. В содержании федеральной программы указывается на ориентацию деятельности судебных органов на международные стандарты правосудия. Часть из международных актов, устанавливающих право граждан на доступ к правосудию, содержит общие положения: статья 8 «Всеобщей декларации прав человека», статья 6 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод», статья 14 «Международного пакта о гражданских и политических правах» гарантирует каждому право на суд. Другие конкретизируют эти положения. Например, Рекомендация «Комитет министров - государствам-членам относительно

¹Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 40. – ст. 5474.

путей облегчения доступа к правосудию¹», «Конвенция о международном доступе к правосудию», заключённая в Гааге 25.10.80 г. (Российская Федерация не является ее участником), Резолюция Комитета министров Совета Европы «О юридической помощи и консультациях²».

Развитие международного регулирования доступа к правосудию характеризуется установлением общепризнанной международно-правовой нормы, которая демонстрирует, что установление доступа к правосудию не относится к внутренней функции государства. Отсюда совершенно логично следует, что «правовой статус личности формируется не только из тех свобод, которые зафиксированы в Конституции и других национальных законах, но и из международно-признанных прав и свобод».

В рекомендациях Комитета министров Совета Европы «Комитет министров - государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию» установлен ряд принципов, позволяющих обеспечить гражданам государств-участников свободный доступ к правосудию. К ним относят информирование общественности, упрощение, ускорение судебного разбирательства, судебные издержки, особые процедуры. На наш взгляд, необходимо принять все меры по упрощению процедуры в целях облегчения доступа частных лиц к судам, при одновременном соблюдении должного порядка отправления правосудия.

Пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека гласит: «Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом, созданным на основании закона».

Необходимо отметить, что доступность правосудия с точки зрения Европейского суда не является абсолютным правом, поскольку может

¹Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 «Комитет министров - государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию» // Российская юстиция. – № 6. – 1997 г.

²Резолюция Комитета министров Совета Европы от 2 марта 1978 г. № (78) 8 «О юридической помощи и консультациях журнале» // Российская юстиция, № 6, 1997 г.

ограничиваться волеизъявлением самого лица, нормативно-правовым актом государства. Так, согласие субъекта на разрешение спорного вопроса в ином, чем судебный, порядке является законным ограничением доступности правосудия. Ограничение доступа к суду возможно и в национальном судебном решении, вынесенном на основе заявления об иммунитете иностранного государства или международной организации от судебного разбирательства в государстве пребывания. Особенно внимательно Европейский суд подходит к ограничениям доступа к правосудию в законах, принимаемых государством.

Свобода усмотрения государств – участников Европейской конвенции заключается в создании судебных инстанций; урегулировании сроков обжалования действий (бездействия) должностных лиц; установлении сроков исковой давности; закреплении особого правового статуса для тех или иных категорий лиц (Герен против Франции [БП] (*Guerin v. France* [GC]), пункт 37, и Омар против Франции [БП] (*Omar v. France* [GC]), пункт 34 со ссылками на гражданские дела).

К особым случаям недопустимых ограничений доступа к правосудию Европейский суд отнес также: 1) отказ признавать субъектом процессуального права некоторые организации в связи с тем, что национальный закон нечётко регулировал вопросы подсудности; 2) отказ применять отсрочку уплаты госпошлины; 3) запрет представлять свои интересы в гражданском процессе лично, без адвоката; 4) невыполнение позитивной обязанности государства по созданию условий доступа к правосудию: несовершенство системы юридической помощи, исполнения решений суда (Девир против Бельгии (*Deweer v. Belgium*), пункт 49; см. также Карт против Турции [БП] (*Kart v. Turkey* [GC]), пункт 67).

Судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом демократическом государстве. К сожалению, сведения, получаемые в ходе опросов общественного мнения, подтверждают низкий уровень доверия граждан к правосудию. В своём исследовании

«Удовлетворённость правосудием¹» мы показываем, что в апреле 2017 года при ответе на вопрос «Доверяете ли вы суду?» среди студентов преобладали отрицательные оценки: 38% отвечали «отрицательно», только 32% – «положительно», при 30% затруднившихся ответить.

Проблемы доступности правосудия изучаются учёными различных отраслей права. Теоретики пытаются определить место «доступности правосудия» в системе процессуальных категорий. В.И. Анишина отмечает, что доступность правосудия наряду с универсальностью судебной власти выступает важнейшим началом ее организации и деятельности².

В соответствии с п. 2 ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности является одной из основных задач судопроизводства в арбитражных судах. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и Административный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – КАС РФ) не содержат категории «доступность правосудия», а закрепляют в статье 3 и 4 «право на обращение в суд».

Г.А. Жилин определяет «доступность правосудия» как понятный для заинтересованных лиц, порядок устройства и функционирования судебной системы. Такой порядок исключает чрезмерные, необоснованные препятствия для граждан и организаций, желающих, чтобы их дело было

¹Опрос проводился среди студентов юридического, международного, психологического, исторического, энергетического факультетов; факультета экономики и предпринимательства; института спорта, туризма и сервиса; факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов; факультета материаловедения и металлургических технологий; факультета журналистики ЮУрГУ. В исследовании «Удовлетворенность правосудием» приняли участие 38 студентов. Из общего числа участников 18 женского пола и 20, соответственно, мужского пола. Средний возраст опрошенных лиц составляет 22 года.

²Анишина, В.И. Конституционные принципы как основа самостоятельности судебной власти: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Анишина В.И. - М., 2006. – С.34.

рассмотрено и разрешено судом¹. А.С. Федина под «доступностью правосудия» понимает не только предоставление возможности реализации права на обращение в суд, но и допуск лица ко всем предусмотренным процессуальным законодательством средствам судебной защиты нарушенных или оспариваемых прав для достижения того общественно необходимого результата, ради которого существует правосудие как социальный институт².

Необходимо отметить, что доступность уголовного судопроизводства – один из основных компонентов права на судебную защиту, подкреплённый системой обеспечительных средств, позволяющих на деле реализовать комплекс субъективных прав во всех случаях, начиная от возможности обращения в органы предварительного расследования, до возможности участия в судебном разбирательстве уголовного дела, последующего обращения за правосудием в вышестоящие судебные инстанции (вплоть до международного правосудия), получения справедливого решения и его качественного исполнения.

Таким образом, доступность правосудия как общепризнанный международно-правовой принцип означает гарантированность права беспрепятственного доступа к суду, он тесно связан с конкретными национальными мерами, обеспечивающими реальную возможность для лица получить судебную защиту нарушенных или оспариваемых прав.

Конституцией РФ доступ к правосудию выделен в качестве права потерпевшего. Некоторые авторы отмечают, что доступ к правосудию включает в себя гарантированную государством возможность всякого заинтересованного лица в наиболее короткий срок беспрепятственно прибегнуть к процедуре судебной защиты своих прав и интересов и

¹Жилин, Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: Монография. М.: Проспект, 2014. – С. 65.

²Федина, А.С. О равной доступности правосудия для заинтересованных лиц в гражданском судопроизводстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право, 2013. – № 36. – С. 150.

отстаивать их в установленном законом порядке. На наш взгляд, право на доступ к уголовному судопроизводству имеет подозреваемый, обвиняемый, гражданский истец, гражданский ответчик и другие лица, чьи права и законные интересы могут быть затронуты при производстве по уголовному делу.

Заметим, что лицо, которое обращается в суд за защитой своего права, именуется «жертвой». «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью»¹ содержит определение категории «жертва». Это индивид, независимо от того, был ли установлен, арестован, передан суду или осужден правонарушителем, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой. Декларация закрепляет, что к праву жертв на средства правовой защиты, прежде всего, относится эффективный доступ к правосудию.

Критерий доступности уголовного судопроизводства можно определить как законодательное установление определенных эффективных мер, закрепление конкретных гарантий, наличие которых позволит упростить получение судебной защиты. Нужно отметить, что исследование критериев доступа к правосудию позволило разделить их на два вида: процессуальные и организационно – технические. Организационно – технический аспект доступа к правосудию связан с материально-техническим обеспечением деятельности, который включает в себя бытовое состояние судов, общую организацию судебной системы. Процессуальный критерий доступности судопроизводства включает в себя процессуальные нормы и принципы, обеспечивающие лицам реализацию названного права.

Анализ Концепции «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» позволил нам к важнейшим организационно-техническим критериям обеспечения доступа к правосудию отнести «расположение судов в зданиях,

¹Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) // Советская юстиция, 1992 г. – № 9-10. – С.39.

отвечающих современным требованиям осуществления правосудия». Кроме этого, к организационным составляющим права на доступ к правосудию относится создание мобильных подвижных офисов судей с применением видео-конференцсвязи для проведения выездных заседаний в удаленных местностях России, расширив тем самым функциональную возможность отправления правосудия. На наш взгляд, соответствующие офисы повлияют на открытость и доступность правосудия. В качестве технического средства планируется использовать специальный пассажирский автобус с различными функциональными возможностями.

Важно сказать, что доступ к правосудию связан состоянием судебных зданий. Возможностью оказаться в помещении суда должен обладать каждый, в том числе и гражданин с ограниченными физическими возможностями. К сожалению, большинство российских судов, доступны лишь для здоровых людей. Как правило, здание суда многоэтажное. Однако лифты и пандусы для инвалидов встречаются крайне редко. Свои препятствия на пути к справедливости возникают у слабослышащих людей – сурдопереводчики не предусмотрены, объясниться без них с сотрудниками канцелярии просто невозможно.

На наш взгляд, создание всех необходимых условий для осуществления правосудия путем введения в эксплуатацию новых зданий судов, оснащения персональной техникой и внедрения современных технологий повышает уровень работы, служит формированию доверия, уважения россиян к судебной власти, позитивного общественного мнения.

Одной из процессуальных гарантий обеспечения права на доступность уголовного судопроизводства является законный суд. Основной закон предусматривает, что обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Жительница Челябинской области А.С. Лымарь обвинялась в убийстве дочери (наказание по данной статье предусматривает, в частности, пожизненное заключение). Обратившись в суд с ходатайством о

рассмотрении своего дела с участием присяжных заседателей, заявительница получила отказ. Поскольку в соответствии с положениями УПК РФ женщинам в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

В соответствии с Конституцией РФ все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, а также других обстоятельств. Эти принципы, закрепленные в Конституции РФ, соотносятся и с положениями международно-правовых актов. «Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин» (1967 г.) считает ограничение равноправия женщины с мужчиной преступлением против человеческого достоинства. «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979 г.) требует юридической защиты прав женщин на равной основе с мужчинами.

Конституционный Суд РФ 25 февраля 2016 года провозгласил Постановление по делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Конституционный Суд РФ отметил¹, что любая дифференциация правового регулирования, вводимая законодателем, должна соблюдать баланс конституционных ценностей и обеспечивать гарантированные Основным Законом права. Конституционный Суд РФ признал оспоренную норму не соответствующей Конституции. Лишение женщин суда присяжных, предусмотренного законом для мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, не отвечает принципу юридического равенства, приводит к дискриминации и ограничивает их право на судебную защиту.

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь» // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме этого, в другом Постановлении¹ Конституционного Суда РФ в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова, который утверждал, что положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ, как исключаяющие возможность рассмотрения судом в составе судьи областного или равного ему по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела в отношении мужчины, достигшего шестидесяти пяти лет и обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК РФ, нарушают права, гарантируемые статьями 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4) Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ постановил, что данное регулирование влечет лишенную каких-либо конституционно-правовых оснований невозможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела в отношении мужчины, достигшего шестидесятипятилетнего возраста и обвиняемого в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах, что приводит к его дискриминации как по возрастному, так и по гендерному признаку при осуществлении им права на судебную защиту. Следовательно, подобная дифференциация подсудности уголовных дел, вытекающая из положений УПК РФ и УК РФ, не отвечает принципу юридического равенства, ограничивает мужчин, достигших возраста шестидесяти пяти лет, в реализации права на законный суд и, в конечном счете, права на равную с иными лицами судебную защиту прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

О. И. Рабцевич выделяет следующие факторы, отрицательно влияющие на доступ граждан к правосудию: 1) слишком сложная процедура обращения в суд; 2) высокая стоимость судопроизводства и государственные пошлины; 3) обязанность вносить залог при обращении в суд; 4) большая

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.2017 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова» // СПС «КонсультантПлюс».

загруженность судей; 5) продолжительные сроки рассмотрения дела; 6) необоснованные отказы правоохранительных органов в возбуждении уголовного дела и другие¹.

Рассмотрим реализацию доступа к уголовному судопроизводству на стадии возбуждения уголовного дела.

В науке существует утверждение, что стадия возбуждения уголовного дела – гарантия соблюдения прав и свобод в уголовном судопроизводстве. Как верно отметил В.К. Бобров, «законность и обоснованность возбуждения уголовного дела выступает важной гарантией соблюдения и защиты прав и интересов личности, способствуя более эффективному осуществлению назначения уголовного судопроизводства»². Задачей этапа возбуждения уголовного дела является установление процессуальных условий, необходимых для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела или установление процессуальных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела. Следует обратить внимание на то, что согласно ст.144 УПК РФ: полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ.

Однако именно на данной стадии уголовного процесса происходит значительное количество случаев нарушения прав лиц, пострадавших от преступлений: укрытие сообщений о преступлениях от регистрации, затягивание сроков вынесения итогового решения по результатам проверки сообщения о преступлении, фальсификация результатов проверки сообщений о преступлениях. Как правило, на стадии возбуждения уголовного дела «происходит выявление «неперспективных» с точки зрения доказывания дел,

¹Рабцевич, О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование / О. И. Рабцевич. – М.: Лекс-Книга, 2005. – С. 123.

²Бобров, В.К. Стадия возбуждения уголовного дела: учеб. Пособие. – М.: Изд-во МЮИ МВД России, 1997. – С. 44.

что позволяет сократить долю прекращенных уголовных дел как необоснованно возбужденных»¹.

Б. Я. Гаврилов отмечает, что «поступивших заявлений о преступлениях гораздо больше, чем возбужденных на основании их проверки уголовных дел. Поэтому, по его мнению, редкое возбуждение уголовных дел по заявлениям и сообщениям граждан ограничивает право граждан на доступ к правосудию и снижает эффективность деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью»².

При приеме сообщений о преступлении необходимо закрепить «незамедлительную регистрацию поступившего сообщения о преступлении; процедуру ознакомления заявителя с материалами проверки, по результатам производства которой в возбуждении уголовного дела было отказано; информирование заявителя непосредственно при приеме сообщения о преступлении, о порядке обжалования действий (бездействия) должностных лиц органов предварительного расследования, проводимых в рамках доследственной проверки, о сроках такой проверки; извещение законных представителей несовершеннолетнего или лиц, их заменяющих, в случае подачи несовершеннолетним заявления о совершенном в отношении его преступлении»³.

Интересной представляется позиция авторов, предлагающих создать новую стадию уголовного процесса. И.А.Фёдорова говорит о том, что «этап проверки сообщений о преступлениях нужно сохранить в качестве самостоятельной стадии современного отечественного уголовного процесса, но ее законодательная регламентация требует значительных доработок и

¹Мамедов, Р.Я. Стадия возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе // Апробация. – 2016. – № 7 (46). – С. 142.

²Гаврилов, Б. Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Рос. следователь. – 2013. – № 21. – С. 7.

³Ряполова, Я.П. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела // ЗАО «Университетская книга», Курск. – 2016. – С. 14.

изменений»¹. Статья 303 Устава уголовного судопроизводства устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к началу следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказывать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка»².

Вместе с тем отметим, что возбуждение уголовного дела по каждому заявлению или сообщению без их предварительной проверки приведет к негативным последствиям. В связи с тем, что стадия возбуждения уголовного дела позволяет критически проверить сообщение о преступлении, что способствует возникновению уголовного дела лишь в том случае, когда преступление действительно имело место; создать условия для деятельности органов уголовного преследования без применения мер процессуального принуждения; сохранить в неприкосновенности конституционные права и свободы личности, вовлеченной в этот этап уголовно-процессуальной деятельности; путем вынесения специального решения о возбуждении уголовного дела четко определить начальный момент предварительного расследования, после которого уголовно-процессуальная деятельность приобретает качественно иной – принудительный характер.

На наш взгляд, право граждан на доступ к уголовному судопроизводству в стадии возбуждения уголовного дела затрудняется, в том числе и в связи с неопределенностью правового статуса лиц, в отношении которых осуществляется предварительная проверка по любому совершенному или готовящемуся преступлению.

Для устранения препятствий, встречающихся у граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство законодателю необходимо конкретизировать перечень участников стадии возбуждения уголовного дела, их права и обязанности, а также нужно установить ответственность лиц участвующих на этапе проверки сообщения о преступлении. О.В. Гладышева для обеспечения

¹Фёдорова, И.А. О роли стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства Сборник статей. – 2016. – С. 197.

²Российское законодательство X–XX веков. Том 8. Судебная реформа. – М., 1991. – С. 150.

законных интересов участников стадии возбуждения уголовного дела предлагает «закрепить в законе процессуальный статус заявителя, лица, привлекаемого для дачи объяснений, адвоката заявителя, лица, привлекаемого для получения объяснений, участника следственного действия»¹.

В одном из своих постановлений Пленум Верховного Суда РФ отметил, что «правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица»².

Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела, являясь отправной и первоначальной, реализует право граждан и организаций на доступность правосудия. Согласно позиции Верховного Суда, выраженной в Постановлении Пленума Верховного Суда №1³, к затрудняющим доступ граждан к правосудию отнесены действия (бездействия) либо решения должностных лиц, ограничивающие права граждан на участие в досудебном производстве по уголовному делу, которые создают гражданину препятствия для дальнейшего обращения за судебной защитой нарушенного права.

¹Гладышева, О.В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. – 2012. – № 6. – С. 127.

²Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета от 10 июля 2015 г. № 150.

³Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

На наш взгляд, должностные лица и органы, осуществляющие от имени государства уголовное преследование должны следовать назначению и принципам уголовного судопроизводства, обязаны всеми имеющимися в их распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Отметим, что важность указанного права подчеркивается в Указании¹, в содержании которого говорится, что правоохранительным органам необходимо уделять особое внимание обоснованности передачи сообщений о преступлениях, а также материалов проверок и уголовных дел из одного правоохранительного органа (органа предварительного расследования) в другой. Исключить факты отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного расследования и прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по формальным основаниям, не имеющим отношения к предмету проверки (расследования) или не влияющим на обоснованность принятого процессуального решения.

Принимать меры к обеспечению достаточности и эффективности действий должностных лиц органов прокуратуры, а также - в пределах установленной уголовно-процессуальным законодательством компетенции - должностных лиц органов предварительного расследования, в том числе в случаях неоднократного вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) либо приостановлении предварительного расследования.

Право на доступность судопроизводства как процессуальный институт, на наш взгляд, исходя из анализа судебной практики Европейского суда по

¹Указание Генеральной Прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, МВД России, МЧС России, Федеральной службы судебных приставов, ФСБ России, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной таможенной службы от 3 июня 2015 г. № 275/36/1/206/2/5443/195/1-у/21/4/1081 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «Гарант».

защите прав человека, есть комплекс процессуальных прав, относимых к ряду субъективных юридических прав индивида, включающий:

1) право на беспрепятственное обращение каждого в суд, в том числе - право на обжалование любых незаконных действий и решений должностных лиц и органов, осуществляющих производство по уголовному делу, препятствующих реализации права на доступ к правосудию или незаконно ограничивающих это право;

2) право на эффективное и своевременное расследование уголовного дела;

3) право на рассмотрение дела независимым судом;

4) право на легитимный (законный) состав суда;

5) право на беспристрастное рассмотрение и разрешение уголовного дела;

б) право на рассмотрение и разрешение дела в разумные (установленные законом) сроки и другие¹.

С.И. Викторский, рассматривая вопросы судебной организации, писал, что в основании ее в числе прочих должны быть: «...требования чисто психологического или нравственного характера, заключающиеся в том, чтобы дать всякому, кто соприкасается с судом, известное сознание и нравственное удовлетворение, что его дело решено правильно»².

¹Володина, Л.М., Володина, А.Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 8.

²Викторский, С. И. Русский уголовный процесс: учеб. пособие. М., 1997. - С. - 145.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, изучив сущность европейских стандартов в области прав человека, мы отмечаем, что правовой статус личности формируется не только из тех свобод, которые зафиксированы в Конституции РФ и других законах, но и из международно-признанных прав и свобод. Европейские стандарты в области прав человека находятся в полной гармонии с универсальными принципами и расширяют их границы, создавая тем самым высокую степень защищённости личности и ограждая сферу её прав и законных интересов от неограниченного вмешательства со стороны государства.

Под обеспечением прав личности в уголовном процессе понимается совокупность правовых средств и приёмов, определяющих назначение уголовного судопроизводства, являющих собой единую, логически завершённую систему регулирования правового статуса того или иного участника, вовлечённого в уголовный процесс.

Конституционный Суд РФ высказывает позицию о приоритете Конституции Российской Федерации над международными договорами и правоприменительными актами, исходя из ч. 1 статьи 15 Конституции России, в которой говорится о высшей юридической силе Основного Закона. Данный вывод следует и из суверенитета Российской Федерации, который относится, в том числе, и к основам конституционного и государственного строя. Участие Российской Федерации в международном договоре не говорит об отказе от своего суверенитета, юридическим выражением которого является верховенство Конституции РФ.

Международные обязательства правовых демократических государств – это те общепризнанные юридические нормы и принципы, которые составляют сущность европейских стандартов в области прав и свобод человека. Они, разумеется, находят своё закрепление в Европейской

конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также в постановлениях Европейского Суда, в которых европейские нормы о правах и свободах получают своё толкование и которые, как правило, общеобязательны для государств-участников Совета Европы. Наше исследование показало, что в юридической литературе, посвящённой вопросу европейских стандартов правосудия, отмечается, что российское законодательство не должно расходиться с Европейской конвенцией, со стандартами Европы.

Европейская конвенция основных прав и свобод предназначена для того, чтобы гарантировать не теоретические либо иллюзорные права человека, а права, которые должны быть практичными и эффективными.

Приведённые европейские стандарты в области прав и свобод человека позволяют правильно понять назначение уголовного судопроизводства и оценить содержащиеся в уголовно-процессуальном законодательстве правила об обязанностях дознавателя, следователя, прокурора и суда по обеспечению прав и интересов участников уголовного судопроизводства как составную часть обязанностей и ответственности государства перед человеком.

Термин «справедливость» (*justitia*) связан с правом (*jus*), обозначает наличие в социальном мире правового начала и выражает его правильность, обязательность и необходимость. Латинское слово «*justitia*» переводится на русский язык и как «справедливость», и как «правосудие». На наш взгляд, можно предполагать, правосудие выступает составной частью справедливости.

Доступность правосудия справедливо считается неотъемлемым атрибутом демократического правового государства. Поскольку Конституция РФ определяет нашу страну именно так и провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, необходимо предпринять все меры для обеспечения доступности правосудия. В связи с этим, осуществление мер по совершенствованию судопроизводства и его

адаптации к потребностям общества является частью последовательно проводимой судебной реформы в России.

Защита свободы и личной неприкосновенности человека и гражданина является составной частью взаимоотношений индивида и государства, а также ведущей проблемой политико-правовой мысли, имеющей многовековую историю. В системе естественных и неотъемлемых прав человека свобода и личная неприкосновенность занимает особое место, поскольку, если не защищена свобода и личная неприкосновенность, то отсутствует возможность реализовывать и другие права.

Гражданское общество в России может успешно развиваться лишь при условии, что жизнь в государстве будет строиться на основе норм права, соответствующих принципам демократии, международным стандартам. Но самое важное помнить в условиях переустройства общества и формирования судебно-правовой системы государства, что в первую очередь должны учитываться такие факторы, как традиции развития национальной правовой системы, ее особенности, а также текущая ситуация и изменения в стране и мире. Корректировка национального законодательства нередко осуществлялась эпизодически и была связана с решениями Европейского Суда по правам человека, принятыми по жалобам российских граждан. В современном мире проблема защиты прав человека вышла далеко за пределы каждого отдельного государства, и поэтому возникла необходимость в создании универсальных международно-правовых стандартов прав личности, определяющих ту «планку» их обеспечения, ниже которой демократическое государство не может опускаться.

Проведённое магистерское исследование показало, что постановления Европейского Суда по правам человека, принятые по жалобам граждан Российской Федерации, не только становятся основанием для возникновения у Российской Федерации обязанностей по исправлению конкретной ситуации заявителя, но и помогают обнаружить «проблемы» уголовно-процессуального закона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел I Нормативные правовые акты

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. – 1993. – 25 декабря (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) // Библиотечка «Российской газеты». – 1999. – № 22-23.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Библиотечка «Российской газеты». – 1999. – № 22-23.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 20. – 2143.
5. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1986 г., № 37, ст. 772.
6. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) // Советская юстиция, 1992 г. – № 9-10. – С.39.
7. Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 «Комитет министров - государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию» // Российская юстиция. – № 6. – 1997 г.
8. Резолюция Комитета министров Совета Европы от 2 марта 1978 г. № (78) 8 «О юридической помощи и консультациях журнале» // Российская юстиция, № 6, 1997 г.
9. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета от 23 июля 1994 г. № 138-139 (ред. от 28.12.2016).

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета от 22 декабря 2001 г. – № 249 (ред. от 07.06.2017).

11. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 17.07.1995. – № 29. – ст. 2757 (ред. от 1 декабря 2007 г., 25 декабря 2012 г., 12 марта 2014 г.).

12. Федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета от 31 марта 2017г. №7234 (68).

13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 40. – ст. 5474.

14. Указание Генеральной Прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, МВД России, МЧС России, Федеральной службы судебных приставов, ФСБ России, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной таможенной службы от 3 июня 2015 г. № 275/36/1/206/2/5443/195/1-у/21/4/1081 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «Гарант».

Раздел II Литература

15. Азаров, А., Ройтер, В., Хюфнер, К. Права человека: международные и российские механизмы защиты. – М.: Московская школа прав человека, 2003. – 560 с.

- 16.Алексеева, Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Алексеева Л.Б. - М., 2003. - 57 с.
17. Амплеева, Е.Е. Практика Европейского суда по правам человека и её значение для развития национальной системы защиты прав человека // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. – № 2 (31). – С.13-17.
18. Андреева, О.И. К вопросу о способах правового регулирования в российском уголовном процессе // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11/2. – С. 125 - 132.
- 19.Анишина, В.И. Конституционные принципы как основа самостоятельности судебной власти: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Анишина В.И. - М., 2006. - 47 с. 20. Бадалянц, Ю.С., Ягофаров, Д.А. Права человека: учебное пособие. – Москва-Рязань: Издательство «Поверенный». – 2006. – 456 с.
- 20.Бережнов, А.Г. Права личности. Некоторые вопросы теории. – М.: издательство МГУ, 1991. – 142 с.
- 21.Белов, С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 4. – С. 37-56.
22. Бобров, В.К. Стадия возбуждения уголовного дела: учеб. Пособие. – М.: Изд-во МЮИ МВД России, 1997. - 69 с.
23. Берестнев, Ю.Ю. Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации : сб. док., М., 2003. – С. 7-24.
24. Веретенникова, Е. В. Компенсация морального вреда реабилитированным в судопроизводстве России: монография.- Иркутск: издательство ИГУ, 2011. – 207 с.
25. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М-Норма, 1997. – 304 с.

26. Водолагин, С. Конвенция о правах человека как составная часть правовой системы России // Рос. Юстиция, 2001. – № 8. – С.24 -26.
27. Володина, Л.М., Володина, А.Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М.: Юрлитинформ, 2010. – 232 с.
28. Гаврилов, Б. Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Рос. следователь. – 2013. – № 21. – С. 5-11.
29. Гладышева, О.В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. – 2012. – № 6. –С. 122-132.
30. Глотов, С. А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Глотов С.А. - Саратов, 1999. - 610 с.
31. Гулиев, В.Е., Рудинский Ф.М. Демократия и достоинство личности. – М.: Наука, 1983. – 168 с.
32. Гурдин, С.В. Современные тенденции обеспечения прав личности в уголовном процессе// Вестник Московского университета МВД России. - 2016. - № 4. - С. 53-56.
33. Ермишина, Н.С. Европейские стандарты в области прав человека и их роль в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. - Саратов, 2012. - 26 с.
34. Еникеев, З.Д. Международные акты о борьбе с преступностью и современная российская действительность//Проблемы реализации международных стандартов в правоприменительной системе России: материалы Всероссийской научно-практической конференции 1-2 июня 2005 г. – Ч. 1. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 3-25.
35. Жилин, Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: Монография. М.: Проспект, 2014. – 574 с.
36. Зимченко, Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. - М.: Статут, РАП , 2006. –454 с.

37. Зорькин, В.Д. Проблемы имплементации Конвенции о правах человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 5 (54). – С. 812 - 819.
38. Kelsen H. Pure Theory of Law. Gloucester (Mass.), 1989. – 456p.
39. Коновалова, И. А. Российское законодательство и международные нормы в области предупреждения правонарушений несовершеннолетних // Административное и муниципальное право, 2008. – № 6. – С. 65-72.
40. Кондрат, И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Кондрат И.Н. - М., 2013. - 57 с.
41. Лехин, И.В., Петров, Ф.Н. Словарь иностранных слов 3е изд., перераб. и доп. М., 1949. – 805 с.
42. Лебедев, В.М. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – 897 с.
43. Лукьянова, А.А. К вопросу о регламентации института личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. - 2015. - № 401. - С. 228-232.
44. Лукьянова, Е. Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). М.: Норма, 2006. – 112 с.
45. Луканина, Е.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в имплементации решений Европейского суда по правам человека в отечественное право в призме сохранения национального суверенитета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2016. – № 14. – С. 89-92.
46. Лукьянцев, Г.Е. Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Москва: Звенья, 2000. – С. 65-70.

47. Макарова, О.В. Международные стандарты отправления правосудия в уголовно-процессуальном законодательстве России // Журнал российского права. - 2012. - № 11. - С.89-96.
48. Малышева, Ю.В. Международно-правовой механизм защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: понятие, структура // Человек: преступление и наказание. –2016. – № 2 (93). – С. 49-52.
49. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. –184 с.
50. Мамедов, Р.Я. Стадия возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе // Апробация. – 2016. – № 7 (46). – С. 142-144.
51. Матвеев, Д. Ю. Европейские правовые стандарты в правовой системе Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Матвеев Д.Ю. - М., 2003. - 27 с.
52. Марченко, М. Н. Юридическая природа и характер европейского Суда по правам человека // Государство и право, 2006. – № 2. – С. 11-19.
53. Микеле де Сальвиа. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 1072 с.
54. Молотов, А.В. Исполнение решений Европейского суда по правам человека через призму Российской правовой системы и правовых позиций Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 15-1. – С. 12-14.
55. Мюллерсон, Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. - М.: Юрид. лит., 1991. - 160 с.
56. О니кова, Л.А., Шишлина, Н.В. Краткий политический словарь, М., 1980. – 367 с.
57. Петрухин, И.А. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник для вузов. 2-ое изд., перераб. и доп. М. – 2009. – 456 с.

58. Рабцевич, О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование / О. И. Рабцевич. – М.: Лекс-Книга, 2005. – 318 с.
59. Рыкунов, А.А. Исполнение решений Европейского суда по правам человека Россией и Францией: сравнительно-правовое исследование // Государство и право: теория и практика: материалы II Междунар. науч. конф. – Чита: Изд-во Молодой ученый, 2013. – С. 23-25.
60. Ряполова, Я.П. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела: монография // ЗАО «Университетская книга», Курск. – 2016. – 168 с.
61. Садовникова, М. Н. Международные стандарты обращения с несовершеннолетними правонарушителями: некоторые терминологические проблемы, обзор основных нормативно-правовых актов // Сиб. юрид. вестн., 2005. – № 5. – С.55 - 61.
62. Спесивов, Н.В. Классификация международных стандартов прав несовершеннолетних участников уголовного процесса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 2 (97). – С. 215-219.
63. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. - Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. - М.: Наука, 1968. - 470 с.
64. Туманов, В. А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. - М.: Норма, 2001. – 304 с.
65. Трубникова, Т.В. Проблемы доказывания в справедливом судебном разбирательстве и их отражение в правовых позициях ЕСПЧ: вызовы для российской науки уголовного процесса и правоприменительной практики // Уголовная юстиция. - 2016. - № 1 (7). - С. 135 -147.
66. Топорин, Н.Б. Европейское право. - Учебник. – М.: Юристъ, 1998. – 456с.
67. Федина, А.С. О равной доступности правосудия для заинтересованных лиц в гражданском судопроизводстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право, 2013. – № 36. – С. 149-159.

68.Фёдорова, И.А. О роли стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России» // Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства Сборник статей. – 2016. – С. 197-204.

69. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1912. – Т. 1. – 607 с.

70.Химичева, О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. - М. - 2004.- 402 с.

Раздел III Постановления высших судебных инстанций и материалы юридической практики

71. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория»» // СПС «КонсультантПлюс».

72. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко» // СПС «КонсультантПлюс».

73.Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса

Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // «Российская газета» от 27 июля 2015 г. № 163.

74. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь» // СПС «КонсультантПлюс».

75. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.2017 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова» // СПС «КонсультантПлюс».

76. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003. – № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета от 2 декабря 2003. – № 244 (ред. от 05.03.2013).

77. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 г. Москва № «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета 5 июля 2013 г. – №6121 (145).

78. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей» утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017г. – Раздел 2. Продление срока содержания по стражей (п. 2.1) // СПС «КонсультантПлюс».

79. Постановление ЕСПЧ по делу «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии» от 20.02.1996 (жалоба № 58/1994), п.45 // СПС «КонсультантПлюс».
80. Постановление ЕСПЧ по делу «Оджалан (Ocalan) против Турции» от 12.05.2005 (жалоба № 46221/99), п.146 // СПС «КонсультантПлюс».
81. Постановление ЕСПЧ по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12.02.2004 (жалоба № 47287/99), п.129 // СПС «КонсультантПлюс».
82. Постановление ЕСПЧ по делу «Попов (Popov) против Российской Федерации» от 13.07.2006 (жалоба № 26853/04), п. 183 // СПС «КонсультантПлюс».
83. Постановление ЕСПЧ по делу «Зайцев (Zaytsev) против Российской Федерации» от 16.11.2006 (жалоба № 22644/02), п.189 // СПС «КонсультантПлюс».
84. Постановление ЕСПЧ по делу «Шамардаков (Shamardakov) против Российской Федерации» от 30.04.2015 (жалоба № 13810/04), п. 186 // СПС «КонсультантПлюс».
85. Постановление ЕСПЧ от 13.07.2010 по делу «Лопата (Lopata) против России» (жалоба № 72250/01), п.165 // СПС «КонсультантПлюс».
86. Постановление ЕСПЧ по жалобе «Павленко (Pavlenko) против Российской Федерации» от 01.04.2010 (жалоба № 42371/02) // СПС «КонсультантПлюс».
87. Постановление ЕСПЧ по жалобе «Гефген против Германии» от 30.06.2008 (жалоба № 22978/05) // Бюллетень ЕСПЧ. - 2008. - № 11. - С. 15–17.
88. Постановление ЕСПЧ по жалобе от 15 декабря 2015 г. Дело «Шатшашвили (Schatschaschwil) против Германии» (жалоба N 9154/10) // СПС «Гарант».
89. Постановление ЕСПЧ от 29.04.2010 г. «Дело «Юрий Яковлев (Yuriy Yakovlev) против Российской Федерации»» (жалоба № 5453/08) // СПС «КонсультантПлюс».
90. Постановление ЕСПЧ по делу «Максимов (Maksimov) против Российской Федерации» от 18.03.2010 (жалоба № 43233/02). П.87 // СПС «КонсультантПлюс».

- 91.Пилотное Постановления Европейского Суда от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации (№ 2)», жалоба № 33509/04 // СПС «КонсультантПлюс».
92. Постановление ЕСПЧ по жалобе от 23.02.2016 «Навальный и Офицеров (Navalnyy and Ofitserov) против Российской Федерации» (жалобы N 46632/13 и 28671/14) // СПС «КонсультантПлюс».
- 93.Постановление ЕСПЧ по делу «Бекос и Кутрулопус (Bekos and Koutropoulos) против Греции» от 13.12.2005 (жалоба № 15250/02) П.69.
- 94.Постановление ЕСПЧ по делу «Рудаков (Rudakov) против Российской Федерации» от 28.10.2010 (жалоба № 43239/04) П.60.
- 95.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета от 5 июля 2013 г. 145.
- 96.Постановления ЕСПЧ: от 25 сентября 2003 г. по делу «Василева против Дании» (жалоба № 52792/99).
97. Постановление ЕСПЧ от 9 марта 2006 г. по делу «Менешева против Российской Федерации» (жалоба № 59261/00).
- 98.Постановление ЕСПЧ от 22.05.2012 г. «Дело «Идалов (Idalov) против Российской Федерации»» (жалоба № 5826/03) // «КонсультантПлюс».
- 99.Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба №№11157/04 и 15162/05) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – Российское издание. – № 2/2014 г.
100. Обобщение судебной практики Челябинского областного суда за первый квартал 2015 года. Утверждено постановлением президиума Челябинского областного суда от 20 мая 2015 года. - Апелляционное постановление № 10-437/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

101.Постановление ЕСПЧ от 01.06.2006 г. «Дело «Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации»» (жалоба № 7064/05) // СПС «КонсультантПлюс».

102.Постановление ЕСПЧ от 24.05.2007г. «Дело «Владимир Соловьев (Vladimir Solovyev) против Российской Федерации»» (жалоба № 2708/02) // СПС «КонсультантПлюс».

103.Постановление ЕСПЧ от 22.12.2008 г. «Дело «Алексян (Aleksanyan) против Российской Федерации»» (жалоба № 46468/06) // СПС «КонсультантПлюс».

104.Постановление ЕСПЧ по жалобе «Чукаев против России» № 36814/06, п.95 (вынесено 5 ноября 2015 г., вступило в силу 5 февраля 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

105.Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей» утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017г. – Раздел 1. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (п.1.1) // СПС «КонсультантПлюс».